

1824

ЧЕМОЗИНА

Mockba.

24 31

МНЕМОЗИНА,

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,

издаваемая

Кн. В. Одоевскимъ и В. Кюхельбекеромъ.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.

Въ Типографіи Императорскаго Московскаго
Театра, 1824 года.

У Содержателя А. Покорскаго.

6390.

Печатать позволяетъ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. 1824 года Апрѣля 14 дня, книгу сю разсматривалъ Ординарный Профессоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Михаилъ Катеновскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Спр.

I.	Прологъ Трагедіи съ хорами: Ар- гивяне (В. Кюхельбекера)	1.
II.	О направлениі нашей Поэзіи, осо- бенно лирической въ послѣднее де- сятилѣтіе (В. Кюхельбекера)	29.
III.	Епиграмма (П—аго)	44.
III.	Прощаніе Воина (Кн. Вяземскаго)	45.
IV.	Видѣніе	47.
IV.	Суема существій	50.
V.	Отрывокъ изъ Путешествія (В. Кюхельбекера)	51.
VI	Елегія (П.....а)	68.
VII.	Пѣснь страдальца (А. Мансурова)	70.
VIII.	Проклятие (В. Кюхельбекера) . . .	72.
IX.	Афоризмы изъ различныхъ Писа- телей, по части современнаго Гер- манскаго Любомудрія (Кн. Одоевскаго)	84.
X.	Вечеръ (А. Пушкина)	85.
XI.	Отрывокъ изъ Трагедіи: Марія Спуарть (Н. Павлова)	86.
XII.	Еладій, картина изъ свѣтской жизни (Кн. Одоевскаго)	94.
XIII.	Отрывокъ изъ Поэмы: Искусство любить (Вас. Головина)	136.
XIV.	Одиночество (Волкова)	140.
XV.	Земля Безглавцевъ (В. Кюхельбекера)	143.

	Стр.
XVI. Еротыц (Раича)	152.
XVII. Новая Нина (С. Н.)	153.
XVIII. Р.....у (Коншина)	155.
XIX. Особенные статьи:	
— Отверстъ Г. С....., на его Разборъ I-й частии Мнемозины, помѣщенный въ XIV номеръ Сына Отечества (В. Кюхельбекера)	159.
XX. Письмо, въ Москву къ В. К. Кю- хельбекеру (Кн. Одоевскаго) . . .	165.
Опечатки	186.

I.

ПРОЛОГЪ ТРАГЕДИИ СЪ ХОРАМИ: АРГИВЯНЕ.

ДІЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Тимофанъ, Полководецъ Коринескій.

Тимолеонъ, старшій братъ его.

Сатироcъ, начальникъ комицы.

Протогенъ, жрецъ Нептуна.

Резь,) Пришаны города Коринея.
Поликратъ,)

Аристонъ, } Сомнѣки Коринѣскихъ воиновъ.
Ксантиппъ, }

Дюмель. Солдатъ Каримскаго наемниковъ (*).

Народъ Коринескій.

Нѣсколько гражданъ.

**Воины Испийские, Карийские и составляющие спа-
жу Акрокоринскую.**

Глашатай.

Хоръ, состоящій изъ пѣнныхъ Аргивянъ.

(*) Наемники обыкновенно были въ Греціи изъ Каріанъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

(Площадь Коринеска).

Хоръ пльниыхъ Аргивянъ.

1-й Корифей.

О Аргосъ! Аргосъ! смерть скосила
Прекрасный цветъ твоихъ дѣтей;
Ихъ не оплакалъ гимнъ рыдающихъ друзей;
Ихъ труповъ не взяла могила!

2-й Корифей.

Бѣльють груды ихъ косшей
По нивамъ горестной чужбины:
Я слышу, воетъ сонмъ любезныхъ мнъ тѣней
Въ уныломъ царствѣ Прозерпины!

1-й Полу-хоръ.

Мы же не пали въ полѣ битвы!
Есть дымъ развѣялъ гибель Судьбы.
Наши жертвы и молитвы;
Мы презрѣнныя рабы!

1-й Корифей.

Спрашень будешьъ часъ свиданья,
Нестерпимъ родимыхъ взоръ;
Намъ и маштей лобзанья
Къ смерти строгій приговоръ!

2-й Полу-хоръ.

Никогда не возвратимся!
Нѣтъ не узримъ ужъ луговъ,

Гдѣ мы юноши взрасшали,
Гордость радостныхъ ѿщовъ!

2-й Корифей.

Я зрѣлъ: отверзся Аидъ молчаливый,
Залаялъ Керберъ у подземныхъ вратъ
И позвалъ насъ Харонъ рукой нетерпѣливой!
Но мощный, супосташъ
Изъ дланіи вышибъ мой булавъ!

1-й Полу-хоръ.

Нынѣ здѣсь къ веселомъ свѣтѣ,
Какъ чужіе мы споимъ;
Насъ влечетъ къ безмолвной Лестѣ:
Хладно мы на жизнь глядимъ!

2-й Полу-хоръ.

Жертвы глухой, неизбѣжной Богини
Мы безъ участья на бури глядимъ;
Мы приближенье предвидимъ Эринній;
Смертные выданы имъ!

Цѣлый хоръ.

Мы, какъ шѣни, здѣсь споимъ;
Безъ участья мы глядимъ
Жертвы глухой, неизбѣжной Богини
На приближенье незапныхъ Эринній!

ЯВЛЕНИЕ II.

(Народъ собирается).

ДВА ГРАЖДАНИНА.

I. ГРАЖДАНИНЪ.

Теперь, когда бесѣдую съ тобою,
 Уже, — не сомнѣвайся, — рѣшена
 Моя судьба, твоя, — судьба Коринея!
 Ликаспѣ, съ едва блеснувшимъ зарею
 Вдругъ двинулись Аргивяне къ Кенхреѣ (*).

ВТОРЫЙ.

Когда меня смѣнили съ третьей стражи,
 Съ Акрокоринея видѣлъ въ полѣ я
 Клубящуюся пыль; казалось, слышалъ
 Далекій вопль, далекій стукъ и грохотъ!

ТРЕТИЙ подходитъ къ нимъ.

Сосѣди! Тимофанъ, нашъ Полководецъ,
 Къ намъ брата съ важной вѣстю прислали:
 Глашатаи сзываютъ весь народъ.
 Взгляните, въ мигъ вся площадь запестрѣлась;
 Мы скоро здѣсь услышимъ гласъ героя:
 Но намъ и лица плѣнныхъ говорятъ;
 Читаютъ въ взорахъ ихъ побѣду нашу!

ВТОРЫЙ.

И вѣстникъ ужь идетъ. Валишь за нимъ
 Нетерпѣливая толпа. Пришаны
 Съ возвышеннымъ и радостнымъ челомъ
 Ведутъ его къ высокому амвону!

(*) Кенхрея—восточная пристань Коринеская.

Поликрать.

Сберите, спарцы, гражданъ въ племена!

Резъ.

Глашатай! молчаніе повелише:
Тимолеонъ, сынъ Тимодема, роду
Алтова, отъ племени Гераклии
Изъ войска Полководцемъ въ градъ нашъ присланъ;
Предсталъ предъ нашу думу и изыскаль, —
(Мы жь разрѣшили ему благоволії):
„На вѣчъ предъ народомъ говориши!“

Глашатай.

Умолкнише, умолкнише! — Внемлите!

ЯВЛЕНИЕ III.

Хоръ, Тимолконъ, Сатироcъ, Протогенъ, Притамы и Народъ.

Тимолконъ, съ ораторскаго албона.

Оды, любимы бранной Афродиты,
Коринеяне! да дашъ она и впредъ
Вамъ вольность, силу, счастье, торжество;
А нынъ Тимофанъ, служитель вашъ
Вамъ возглашаетъ радость и победу!

Народъ.

Хвала богамъ, Вождю хвала и слава!

Тимолеонъ.

Я вѣстникъ вамъ разбитья Аргивянъ :
 Ихъ полчища разсѣяны; ихъ вождь
 Въ водахъ Контопорійскихъ утонулъ (*).
 Пять тысячъ юношей Аргивскихъ пало;
 Пять тысячъ, рабство смерти предпочтя,
 Намъ отдали щиты въ поляхъ Кенхрейскихъ.
 А нынѣ: да войну прокатитъ къ нимъ,
 Да въ ихъ землѣ засвѣтитъ браиній пламень
 Преслѣдуещъ бѣгущихъ Тимофанъ.
 Низверженные въ прахъ насы ждутъ Микены,
 Ждешъ мстителей разрушенный Тиринеъ (**).
 Предѣлы прешагнувъ, повсюду мы
 Союзниковъ себѣ въ домахъ ихъ всپрѣшимъ.
 Коварная война погубитъ Аргосъ :
 Коринѳу несъ онъ цѣпи, срамъ и смерть ;
 Но судъ Кронидовъ праведнымъ защила ;
 Се насы ведешъ въ ихъ городъ Афродита !

Народъ.

Вождю хвала! Кумиръ, кумиръ герою!

Тимолеонъ.

Народъ, Пришаны! торжество и славу
 И смѣлыхъ надежды вамъ повѣдалъ :
 Теперь даруйте благосклонный слухъ
 Совѣту, мнѣ внушенному богами !

(*) Контопора, рѣка между Арголидою и Коринею.

(**) Микены и Тиринеъ были разрушены Аргивянами.

1-й Гражданинъ.

Умолкнище ! Тимолеонъ вѣщаешь !

Второй.

Или не все ужь высказалъ витія ?

Третій.

Друзья , умолкнище ! внималише , браты !

Драгая вѣть любезнаго намъ рода ,

Къ тебѣ сердца и слухъ свой преклоняемъ !

Тимолеонъ.

Сограждане ! не выше ль мѣры вы

Почтить хотите подвигъ Тимофана ?

Я братъ его , въ своей душѣ его

Съ разсвѣта жизни я привыкъ лелеять ;

И радости исполнилась мѧ грудь ,

Когда вокругъ меня , въ воспогрѣ шумиомъ :

,Кумиръ ему , кумиръ!“ — вы восклицали .

Но топъ предатель , въ комъ родство и дружба

Опчизны голосъ можетъ заглушить ! —

Не каждый ли изъ вашихъ рабниковъ

Дѣлилъ съ вождемъ опасность и труды ?

И не съ избышномъ ли топъ загражденъ ,

Кто первый былъ въ спасищеляхъ Коринея ?

Въ Аениахъ Мильтиадъ просилъ вѣика ,

Враговъ пресиливъ съ битвѣ Мараонской

И былъ ему отвѣтъ : „пусть Мильтиадъ

Рать Персовъ въ бѣгство обратитъ одинъ

И будетъ вознесенъ одинъ предъ всѣми !“

Сихъ мудрыхъ словъ забвенью не предайте,
 О Граждане! добычи часпъ раздайше
 Вдовамъ и дѣшамъ падшихъ за Коринеъ,
 Изъ часпи же на площади алтарь
 Воздвигнеше Венеръ - Немезидъ ,
 Богинъ мѣры въ мщеньи и въ любви!

Сатиросъ.

Твои слова, о Тимодемовъ сынъ!
 Достойны братца и племя; — но мнѣ, —
 Меня издавна злая клевета
 Считаешь рода вашего врагомъ, —
 Мнѣ подобаетъ предъ лицемъ народа
 Иное говорить. Хвала богамъ!
 Что я не врагъ вашъ, нынѣ докажу.

Мы славный подвигъ славно наградимъ,
 Коринеъ! и долгъ намъ то величъ
 И честь и собственная гордость:
 Реку и вы мои слова блюдите!
 Не только войскомъ, ие Кеихрейской битвой
 Мы въ сей вѣкъ жестокой спасены:
 Единый онъ намъ сохранилъ свободу
 На торжищѣ сбираясь и судить;
 И что понынѣ называть возможъ
 Могущаго вождя своимъ слугою,
 Ему единому одолжены! —
 Не разъ послы враговъ предъ Тимофана,
 Объяты тьмой полуночной являлись;
 Не разъ, когда средь дремлющихъ шатровъ

Въ его лишь спаскѣ ступился огонь,
 Его Царемъ Коринескимъ называли.
 Отвергнулъ онъ коварный ихъ союзъ;
 Но съ мудрою заботою скрылъ
 Приходъ ихъ ощущъ, да подозрѣніе
 Не прервѣшъ въ градѣ общей мишины;
 Зане доносъ на сильного мгновенно
 Въ народѣ будишъ зоркую болезнь:
 А онъ не обладалъ еще тогда
 Душой непостоянной, новой рати!
 Владѣшъ ею нынѣ Тимофанъ.
 Наемники его богоизбранные.
 „Для насъ онъ распочилъ!“ гласили они, —
 „Стяжаніе своихъ ощущъ; для насъ
 „Рука его всегда была опровергта!
 „Пусть нашей пласти намъ не шелѣ Коринеъ;
 „Мы Тимофана должники; ему
 „Мы продали свои мечи и души!“
 И наши юноши не менѣ любяшъ
 Младаго, смѣлаго вождя, врага
 Смѣшныхъ, спаринныхъ, нестерпимыхъ правилъ,
 Гонящихъ изъ шатровъ толпу Гетеръ,
 Опьяняющихъ у воиновъ пиры
 И разводящихъ ихъ вино водою!
 При спражевыхъ кострахъ, въ ночныхъ бесѣдахъ,
 Въ походахъ я внималъ ихъ разговорамъ.
 Коринеъ! швои сыны тебя забыли:
 Не вашей рати, собственной своей
 Владѣшъ нынѣ мудрый Тимофанъ!

Я не виню его, но удивляюсь

Чудесной странныхъ случаевъ игрѣ!

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Ты не винишь предателя, Сатиросъ?

ВТОРЫЙ.

Сердца наемниковъ онъ подкупилъ!

ТРЕТИЙ.

Онъ презрѣлъ строгіе законы предковъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Онъ нашихъ опчуждилъ отъ насъ дѣтей!

ПЯТЫЙ.

Ярмомъ тиранства угрожаешь граду!

ШЕСТЫЙ.

Но пускай теперь еще и чистъ въ душѣ,

Онъ сминалъ опасенія, — онъ уже злодѣй!

САТИРОСЪ.

Когда же такъ, Коринеянѣ! не въ слухъ,

Не громко нынѣ ешо говорите!

Мы, вѣрьше миѣ, мы всѣ въ его рукѣ:

Онъ рабнымъ Царь, ихъ идолъ, ихъ олицѣзна!

И такъ явишь преданность ему;

Съ восторгомъ въ срѣтенье ему бѣгите;

Да вступишъ онъ на вашихъ рамсахъ
 Въ покорный городъ, въ радостный Коринтъ!...
 Или его не медленно казните!
 Но поздно можетъ бысть; такъ, можешъ бысть,
 Уже и смерть его не въ вашей волѣ!

Голоса въ народъ.

Смерть, смерть мятежнику! ширшу смерть!

Протогенъ.

Нѣтъ! смерть клеветнику! онъ вѣчно быль
 Прошивникомъ, злодѣемъ Тимофану!

Голоса въ народъ.

Не слушайте его! онъ шесть ширану!

Одинъ изъ гражданъ.

Такъ! тесить ему, но вѣрный другъ народу,
 Слуга боговъ, благочестивый старецъ!
 А сей всегда тѣснилъ убогихъ гражданъ!

Протогенъ.

Склоните слухъ свой, дѣти Поссейдона!

Народъ.

Тебѣ даруемъ слово, Протогенъ!

Протогенъ.

Сограждане! Сапиросъ клеветникъ:
 Его успами завись говорить!

Самъ я вѣсъ въ свидѣтели зову:
 Не Тимофанъ ли вырвалъ у него
 На Истмѣ предъ соборомъ всей Эллады
 Вѣнокъ, бойцевъ завидную награду?
 Не Тимофана ли вы предпочли
 При выборѣ вождя въ сей славной брани?
 Сопернику Сатироſъ не проспѣшь!
 Мнѣ болѣ смерти мерзостеніе тиранъ,
 И будь онъ сынъ мой, умерщвлю его!
 Но тошь захочешь ли тираномъ быть,
 Кто съ дѣлами былъ вашъ счастливый любимецъ?
 Кто здѣсь оставилъ вамъ жену и кровныхъ?
 Кто брата къ вамъ приславъ, тѣго, чей мечъ
 Не разъ спасалъ его средь грозныхъ сѣчъ?
 Сатироſъ жаждетъ казни Тимофана,
 Да самъ поцомъ захватитъ власъ тирана!

Сатироſъ.

Напрасно оживляешь, Протогенъ,
 Забытую картина нашихъ распрай:
 Онъ могли насть юношей дѣлить;
 Но мужу, но отечества слугѣ
 Не болѣ подобаетъ помнить ихъ,
 Какъ слезы и забавы дѣлскихъ лѣть.
 О жрецъ Нептуна, я не клеветникъ!
 Имъ посланный сюда съ Тимолеономъ,
 (Повѣрь, онъ нашихъ взоровъ убоялся).
 Оставилъ позже я Кенхрейскій станъ
 И видѣть могъ, затерянный въ топлѣ,
 Какъ буйные наемники сбирались,

Какъ золото съ сыпалъ рабникамъ,
 Какъ присла нашихъ юношъ клялись
 Искоренишь священную власть Примаковъ!
 Онъ знаешь ли ихъ клятву — вы рѣшили!

Протогенъ.

Ты рекъ ужасное; но ты клевещешь!
 Друзья, не Тимофанъ ли вѣчно былъ
 Безмолвнѣйшимъ рабомъ законовъ вашихъ? —
 Другихъ на ету, площадь изъ домовъ
 Съ зари ихъ выгоняешь голодъ славы:
 Но юный Тимофанъ бѣжалъ честей;
 Врагъ шумныхъ распрай, преній всенародныхъ,
 Онъ Музамъ посвятишь всю жизнь хощъль
 И только власть Примаковъ, власть отца
 Извлечь могла его сюда на вече!
 Здѣсь спалъ онъ угнѣщенныхъ щипъ и кровъ:
 Какъ часто на себя онъ вызывалъ
 За вѣсъ гнѣвъ, ненависть и миценье сильныхъ!
 Когда жь въ вишняхъ возсіялъ совѣтомъ,
 Онъ спопъ же тихій юноша ходилъ;
 На играхъ, на пирахъ, въ Оеатрѣ, въ храмахъ
 Повсюду спарцамъ мѣсто уступалъ;
 За славу раннюю молилъ пощады
 Въ народѣ взоръ пошупленный его;
 Для всѣхъ онъ былъ примѣромъ, но всегда
 Внималъ и былъ покоренъ общимъ мнѣньямъ!
 Кто жь отъ невинности шагнулъ когда
 Безъ промежутка къ адскимъ преслупленьямъ?
 И кто жь, Корине, узаетъ здѣсь,

Укажешъ ли кто въ жизни Тимофана
Высоковыиность, дерзость, буйство, спесь,
Сихъ спутниковъ грядущаго тирана?

Сатиросъ.

Высоковыиность, спесь.... чѣмъ лучше ихъ
Сокрыть умъль, пѣмъ болѣ онъ опасенъ!
При вѣчновозмущаемомъ лицѣ
И не люблю сколь образцовой жизни?
Премудрость въ пылкомъ юношѣ порокъ!

Протогенъ.

Вы слышите: въ запущенныхъ рѣахъ
Онъ самъ призналъ невинность Тимофана!
Уже назвать не въ силахъ преступленья,
Онъ въ добродѣтеляхъ его спремился
На пагубу ему почерпнуть ядъ!
Послѣднюю, Сатиросъ, отражу
Бесильную, но хитрую стрѣлу!
Чтобъ оправдашь — (сколь безпримѣрный случай!)
Народъ, я долженъ друга порицать!
Нѣтъ, братья, не владѣль онъ никогда
Сопутницей холодааго злодѣя,
Премудростию, о коей сей вѣщаешьъ!
И Тимофанъ былъ молодъ и его
Не разъ обворожали заблужденья:
Не вы ль его на пѣню осудили,
Когда обхвачекъ вдругъ шолпой Микенянъ
Онъ съ ними бился, какъ боецъ прошой?

Уже грозила намъ вождя упраша,
 Ужь гибнулъ опромечивый герой;
 Едва его спасла отважность брана.
 Еще мои не ослабѣли силы,
 Провидцемъ и ярцомъ я въ войскѣ былъ;
 Я видѣлъ самъ, какъ конь копьемъ сраженный
 Его повергнулъ посреди враговъ:
 Всѣхъ насъ смущилъ Аргивянъ крикъ побѣдный!
 Но вихремъ вдругъ Тимолеонъ помчался,
 Бломился, падшаго прикрылъ щитомъ,
 Удары шлемъ собственнымъ приемлетъ
 И торжество ихъ въ бѣгство превратилъ!
 Отозванный въ Коринеъ, я предъ народомъ
 Тогда же Тимофана обвинилъ
 И гнѣвный въ немъ не пощадилъ роднаго.
 Нѣть! слабостей его не ушаю;
 Но заговорщика и въ нихъ, Сатирость,
 Кромольника и въ нихъ не узнаю!
 И чѣмъ, признался, всѣ его вины?
 Или добычею дѣлишься съ войскомъ
 Межъ Греками возпрещено вождю? (*)
 Съ какой поры пугаться мы должны
 Пустыхъ рѣчей, бесѣдъ дружинъ праздной?
 Ты смѣешь на свидѣтельство свое
 Здѣсь казни требовать того героя,
 Кто всѣхъ насъ искупилъ въ равнинѣ боя!
 Я подъ защиту всѣхъ даю его!

(*) Дѣло дѣйствительно въ древней Греціи позво-
ленное.

Спрашивайся! здесь все возстало на тебя! свое же
 Уже ль тебя ступени не смущили, а склонят ли
 Когда ты, злобы полнъ, по нимъ всходилъ? и подъ
 При немъ кшо слушалъ бы твои совѣты? окончай
 Онъ сколько съ нихъ несчастныхъ заспушилъ!
 Какъ часто онъ тебя отсель громилъ,
 Какъ часто распоргалъ твои навѣты!

Одинъ изъ Гражданъ.

Наслѣдья давняго моихъ отцевъ
 Едва здѣсь не лишилъ меня Сатирось.
 Но Тимофанъ его разстроилъ козни!

Протогенъ.

Тебя, Ликаспъ, онъ выкупилъ изъ рабства!
 Онъ уплатилъ твои долги, Гимандръ!
 А ты, Клеонъ, въ его торгахъ участникъ:
 Я сонмомъ окруженъ спасенныхъ имъ!
 Друзья, его хотятъ у васъ отнять
 Защитника всѣхъ васъ въ войнѣ и въ мирѣ!
 Какъ онъ всегда любилъ васъ! кровь свою
 Дѣтей для васъ забылъ онъ въ завѣщаніи!
 Я помню—ужъ труба звала въ походъ,
 Мнѣ оное вручая при прощаніи:
 „Коринеу рудниковъ моихъ доходъ!
 „Когда пойду,“ — вѣщаешь: „за народъ,
 „Народъ усыновитъ моихъ сиротъ!“
 Онъ шутъ въ послѣдній разъ пожалъ мнѣ руку
 И весель полетѣлъ на смерть и муку:
 Мужъ храбрый побѣдилъ; прошла борьба,

Отъ ста смертей его спасла судьба;
 Онъ уцѣлѣлъ средь ужасовъ сраженья:
 И вы, вы не распоргните сѣней
 Разшавленныхъ рукой ожеспоченъя?
 Опца лишили горестныхъ дѣлей,
 Отъ вѣтъ единыхъ ждущихъ охраненья?
 Давно уже вельможи вѣсъ тѣсятъ;
 Для виду только вѣсъ еще сзываютъ
 И здѣсь єдва ль не правашъ безъ оправы,
 За вѣсъ еще боролся Тимофанъ; —
 Но выдайше его ихъ хитрой злобѣ:
 Кто, кіо дерзнеетъ еще за вѣсъ возстать?
 Коринеъ, внемли жрецу твоихъ боговъ:
 Отъ вѣка проклятие родъ неблагодарныхъ;
 Ихъ запустѣешъ скорбный градъ и мечъ
 Дѣлей ихъ посѣчъ; правою стогны,
 Мхомъ обросступъ домовъ ихъ алпари!
 О! страшно въ наши дни Кроонидъ караетъ
 Повинныхъ въ благодѣтельной крови!
 Въ Тринакрии (*), въ сокровномъ вамъ народъ,
 Великаго Диона задушилъ
 Чудовищный Калипъ измѣнной гражданъ
 И казней преисполнилъ цѣлый край;
 Бичъ звѣрскихъ пришлецовъ перзаешь ихъ!
 Аполлократъ и Гипаринъ, Низей
 И воспрестоленный вновь Діонисій
 Разбой и язвы, голодъ и сѣкиры, —

(*) См. Плутарховы жизнеописанія Диона и Тимо-
леона.

Адъ принесли отверженной страшъ!
Тутъ сладостный весь островъ одичалъ;
Повсюду вѣси спали пустыри;
Нумидецъ, лютый всадникъ, для коней
Богатый кормъ на площадяхъ находишъ;
У самыхъ сѣнъ, въ нѣмыхъ предмѣстьяхъ ловчій
Встрѣчаешь смѣлыхъ вепрей и оленей;
Глухую обласпь стаи алчныхъ псовъ
Съ конца въ конецъ проходяшъ съ томнымъ воемъ;
Кости засѣялась и смолкла степь;
Тучи юпъ волкъ и вранъ ошъ смрадныхъ труповъ;
Боязнь одинокій спринникъ бродилъ
И душегубецъ на пупы споинъ! —
Такъ строгій Рокъ за праведника мститъ!
Сей извергъ (указывая на Сатироса.) гнѣвъ
небесъ на васъ низводитъ:
Васъ съ Сиракузами сравнять хощъ!

Harper

Сапироcъ лжецъ! онъ оскорбилъ Коринеъ!
Каменьми забросимъ нечестивца! —

Тихолокъ.

Что ты въщаешь, Поссейдоновъ жрецъ?
Какое буйство, други, васъ объяло?
Ужель опь рабства мы спасли Коринеъ,
Да самъ Коринеъ себя повергнешъ въ рабство?—
Свобода гибнетъ въ бѣшенствѣ страстей!—
Пусть здѣсь на судъ предстанеши Тимофанъ:
Молю боговъ, да явится безвиннымъ!

Но нынѣ кровь Сапироosa сущѣйна
 И каждый влascъ главы его сочленъ:
 Надъ нимъ карашель Зевсъ и сънъ Эгиды;
 Не призываите грозной Немезиды!

Голоса за "Сценою".

Измѣна! бунтъ! мятежники въ швѣрдынъ!

Тимолконъ.

Увы! какое новое волненіе?
 Се ужасъ глубъ души моей промикъ!
 Что возвѣщаешьъ сей незапный крикъ?

ЯВЛЕНИЕ IV.

Воины Акрокоринесской стражи.

1-й Войнъ.

О Граждане! предатель Тимофанъ
 Въ Акрокоринъ!

2-й Войнъ.

Въ городъ!

3-й Войнъ.

Онъ здѣсь!

1-й Войнъ.

Изъ дома въ домъ его клевреши рыщутъ!

2-й Войнъ.

Онъ вдругъ на насъ напалъ; вдругъ сдолѣлъ!

3-й Войнъ.

За нами онъ, за нами ужасъ мчится!

Протогенъ.

**О небеса! я защищалъ тирана:
Земля разверзлась — поглоши меня!**

Сатиръ.

**Сбылись мои слова: по я клянусь,
Ввѣкъ не мечталъ, что сбудущимъ такъ скоро!—
Еще его здѣсь иѣшь!.... Корицелне,
Схватите вольносии послѣдній мигъ!
Пусть скоситъ казнь сообщниковъ злодѣя.—**

1-й Вояжъ.

**Не нась, себя губи, когда желаешь:
Измѣнники за нами въ слѣдъ бѣгутъ!**

Второй.

Каріине вратами завладѣли!

Третій.

Демархъ и Лидій дому расхищають!

Четвертый.

**Самъ Тимофанъ съ шолпой кляшвопресупныхъ,
Доспойныхъ казни нашихъ согражданъ
Ужь въ Пристанѣ: онъ лепитъ сюда!**

Одинъ изъ гражданъ.

**Скорѣе, други! наши жены, дѣти
Одни: спасемъ ихъ отъ полковъ наемныхъ!**

Голоса за сцену.

Хвала Царю Коринею, Тимофанду!

ВТОРЫЙ ГРАЖДАНИНЪ,

О страхъ! его Царемъ презозглашають!

ТРЕТИЙ.

Да будешь проклятъ нечестивый извергъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Тирана вижу: онъ грядетъ! взглянише,

Онъ грознымъ лѣсомъ копій окруженъ;

Уйдемъ; укроемся подъ сень Пенатовъ!

ПЯТЫЙ.

Злодѣй сюда идешь! почто сму

Изъ персей сердца вырвать не могу!

(Граждане большую гастью съ беспорядкомъ уходятъ; площадь мало по малу пустѣетъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

**Тимофанъ окруженный молодыми Корине-
скими воинами и Карийскими наемниками.**

Коринескіе юноши.

Да здравствуешь великий Тимофанъ,

Народъ и вольность! сгибните Пришаны!

Одинъ изъ гражданий.

Притановъ низвергаетъ Тимофанъ :

Пританы подашь насъ бременили !

Карине.

Царю Коринея многи, многи лѣта!

А намъ — сокровища его враговъ !

Діомедъ.

Привѣтствуйте владыку странъ Истмійскихъ!..

Или дрожите, наглые мѣщане !

Ксантиппъ.

Презрѣнныи варваръ, дерзостныи пришлецъ,

Ты нашихъ брашьевъ смѣешь поносить ?

Тимофанъ.

Безумныи крикомъ не пугайте гражданъ !—

Соотечи, друзья! куда течете?

Меня ли вашего слугу, сосѣди,

Не узнаете вы? — Услышьте, братья!

Я нашихъ ушѣнителей смириль :

Да здравствуютъ Коринеъ, народъ и вольность!

Гражданинъ, изъ за амбона.

Умолкни, лѣсшецъ! ты врагъ нашъ, шайтанъ, машежникъ !

Твои клеврѣты грабятъ насъ, предатель!

Исчезни ты и родъ твой окаленный !

(Убегаетъ).

Тимофанъ.

Всъ полны трепета от сель бѣгутъ!

Всъ ужасаются меня, какъ завтра!

Разсѣй же шумный сонмъ икъ, Діомедъ!

(Діомедъ уходитъ).

Любезный Аристонъ! ты кровный мнѣ,

Ты дорожишь и мною и Коринеомъ;

Грабежъ иноплеменныхъ прекрасенъ!

(Аристонъ уходитъ).

Но братъ мой гдѣ? Гдѣ пещерь мой знаменитый?

Увы! или неистовая чернь....?

(Видя ихъ). Ужели вижу васъ? вы спасены! —

Хвала Богамъ! мнѣ ваша жизнь дороже

И самаго вѣнца, который мнѣ

Сегодня бросила рука Фортуны! —

Протогенъ.

Насъ видиши, лицемѣръ! и здѣсь надъ гробомъ

Зарѣзаний тобой свободы ты

Насъ думаешь коварствомъ уловить,

Насъ ослѣпить лукавыми словами!

О! слишкомъ, слишкомъ долго Протогенъ

Игралищемъ швондъ, насмѣшкой былъ:

Проспи, Сатироcъ! здѣсь я на тебѣ,

И за него въ жестокомъ ослѣплены

Народный гиѣвъ и ярость возбуждалъ:

Но здѣсь же я омою преступленье

Въ крови чудовища — тиранъ, умри!

(Бросается на него съ кинжаломъ).

Тимофанъ, устраиваясь.

Изъ глазъ моихъ безумца удалиште!
Подъ крѣпкой стражею его держите
Пока его судьбы я не рѣшу! —

А ты, Саширося! солнце при закатѣ
Да узримъ твой исходъ изъ нашихъ спѣнъ! —
Спокойнъ будь; твоей презрѣнной кровью
Своей руки не оскверни! иди!

(Аристонъ возвращается)

Что, Аристонъ, бѣжишь ты бездыханенъ?

Аристонъ.

Самъ укроти ихъ буйство, Полководецъ:
Наемники моимъ словамъ не внемлятъ!
Они гласяшъ: „отвѣтствуй Тимофану:
„Ему вѣнецъ мы даровали; нынѣ
„Свою награду ищемъ и получимъ!“

Тимофанъ.

Злодѣи! но могу ль ихъ безоружить?
Предамъ казну Пританской думы имъ:
Она ихъ жажду утолиша, надѣюсь. —

Аристонъ.

Священную казну пришельцамъ алчнымъ?

Тимофанъ.

Ни слова! или отроку тебѣ
Въ своихъ дѣлахъ обязанъ я отчеломъ?

Ксантиппъ.

Не расхищай святыни, Полководецъ!
Мы силой усмишимъ полпу Каріанъ:
Мы не дадимъ родныхъ своихъ въ обиду!

Тимофанъ.

И ты, Ксантиппъ! со звѣтую: брегиса!
Уже давно упорный духъ твой знаю.

Коринескіе юноши.

Намъ онъ грозишъ, а хищниковъ спрашивашся!

Тимофанъ.

Кто ропщетъ здѣсь? въ Акрокоринеъ идите!
Васъ ненавидишъ чернь; раздоръ погубиши.
Не съ вами ль власть желаю раздѣлить?

(Большая гасть молодыхъ Корин-
еянъ уходитъ).

Ужасный день, день распрай и смятеній!
Но се иду и въ градѣ миръ устрою.—
Ты пасмуренъ и шихъ, Тимолеонъ!
Слониши въ меня впергешь взоръ горящій!

(Отводитъ его).

При алтарѣ семѣйныхъ нашихъ Ларъ
Готовъ внимать я всѣмъ твоимъ упрекамъ,
Но здѣсь.... яви ты свѣтлое чело!
Тебя я нашей дружбой заклинаю!

Ти́мокеонъ.

Почто еще на солнце я взираю?
И ты и я изъ подъ мечей въ бою
Почто мы вынесли главу свою?

(Уходитъ оба).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Аристонъ и Ксантиппъ, въ глубинѣ Театра
Хоръ.

Аристонъ.

Онъ слишкомъ рано снялъ съ себя лицину!

Ксантиппъ.

Ты былъ его любимцемъ Аристонъ:
Меня онъ выше лѣтъ моихъ честилъ;
Онъ въсъ обманывалъ; шебя, меня
Властитель новый отвергаетъ пынъ!

Аристонъ.

О другъ! мы въ спрашномъ были заблуждены;
Исчезла насть прельщавшая мечта:
Пойдемъ, — свое загладимъ преступленье!
Разкалься не поздно никогда!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Хоръ выступаєтъ

Цѣлый Хоръ.

Сынъ подъялся на опчизну;
Всталъ и будиши Евменідъ;
Побѣжденный Аргосъ зришъ,
Падшимъ дѣшамъ тризну!

1-й Полу-хоръ.

Какъ вѣтеръ осеню шуманий
Вдругъ обращаешьъ свой полѣтъ;
По влажной области пространной
Бѣжитъ, ярится и ревѣтъ;
Вдругъ до небесъ подъемлетъ волны;
Вдругъ въ пропасть алчную влечѣтъ
Незапно схваченные чолны:
Такъ вѣчно движешся народъ!

2-й Полу-хоръ.

Но ширанъ унылъ и мраченъ;
Дикий заоръ его горитъ;
Въ немъ иѣтъ сердца; другу, брату,
Всѣмъ онъ гибелью грозитъ!

Всѣкъ опчужденный въ угрюмой болзни,
Онъ вымышилъ и спрахи и казни;
Бездну онъ видитъ и къ бездѣ спѣшишъ!

1-й Корифей.

Зрѣль я ширана; душа моя скжась,
Замеръ глаголь на п. блекшихъ устахъ;

Хладной глава моя мглою объялась:

Сердце сковалъ во мнъ страхъ!

2-й Корифей.

Но извергъ не избѣгнешъ фурій:

Онъ вездъ за нимъ текущъ!

Надъ нимъ въ пиши парашъ, лепящъ надъ нимъ
средь бури;

Изъ собственной груди вездъ его зовущъ!

Цѣлый хоръ.

Не въ радость взойдешъ ему спрашный посвѣтъ,
Не въ радость созрѣешъ ужасная жапва,
Не минетъ преступника вѣчная клятва,
Поглошишъ злодѣя разверстый Эрезъ!

З а м ъ ч . Богами покровителеми Коринеа были Нептунъ и Венера. Послѣдней поклонялись здѣсь въ помъ образъ, въ которомъ обыкновенно изображаютъ Минерву и потому - по Тимолеонъ называешь ее бранною, воинственною.

В. Кюхельбекеръ.

II.

О НАПРАВЛЕНИИ НАШЕЙ ПОЭЗИИ, ОСОБЕННО ЛИРИЧЕСКОЙ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.

Рѣшаясь говорить о направлениіи нашей Поэзіи въ послѣднее десятильтіе, предвижу, что угаду очень не многи и многихъ пропишь себя вооружу. — И я наравнѣ со многими могъ бы восхищаясь неизвѣрными успѣхами нашей Словесности. — Но льстецъ всегда преаристелъ. — Какъ сынъ Отечества, поспавляю себѣ облазностью смыло высказать испину.

Опѣкъ Ломоносова до послѣдняго преобразованія нашей Словесности Жуковскимъ и его послѣдователями у насъ велось почши безъ промежутка поколѣніе Лириковъ, коихъ имена остались сплѣжаніемъ пошомства, коихъ швореніями должна гордиться Россія. Ломоносовъ, Петровъ, Державинъ, Дмитревъ, спутникъ и другъ Державина — Капнишъ, иѣкоторымъ образомъ Боброхъ, Востоковъ и въ концѣ послѣдняго десятильтія — Поэтъ, заслуживающій занять одно изъ первыхъ мѣстъ на Русскомъ Парнасѣ, — Кн. Шихматовъ предводители сего мощнаго племени: они лѣ измѣ время

почти не имели преемниковъ.—Элегія и Пoсланіе у насъ вышесили Оду. — Раасмотрѣть качества сихъ трехъ родовъ и постараemся опредѣлить степень ихъ поэтическаго достоинства. —

Сила , свобода , вдохновеніе необходи-
мые при условіи всякой Поэзіи.—Лириче-
ская Поэзія вообще не иное чиho , какъ не-
обыкновенное , и. е. сильное , свободное ,
вдохновенное изложеніе чувствъ самаго Пи-
сателя. Изъ сего слѣдуетъ , что она пъмъ
превосходиѣ , чѣмъ болѣе возвышаєтъ
нась событіями ежедневными , надъ низ-
кимъ языкомъ черни , незнающей вдохно-
венія. Всѣмъ требованіямъ , которые пред-
полагаютъ сіе опредѣленіе , вполнѣ удовле-
творяетъ одна Ода , а посему безъ сомнѣнія
занимаетъ первое мѣсто въ Лирической
Поэзіи или , лучше сказать , одна совершенно
заслуживаетъ название Поэзіи Лирической.
Прочіе же роды стихотворческаго изложенія
собственныхъ чувствъ — или подчиняютъ
оныя повѣстованию , какъ-то Гимнъ , а еще
болѣе Баллада и слѣдовательно переходятъ въ
Поэзію Эпическую : или же ничтожностю
самаго предмета налагаюшъ на гenій окон-
цы , гасяще огонь его вдохновенія.—Въ по-
слѣднемъ случаѣ ихъ отличаетъ отъ Про-

зы одно шолько спихосложеніе; ибо прелестью и благозвучіемъ, доспоменівами, которыми они по необходимости ограничиваются, наравнъ съ ними можетъ обладать и краснорѣчіе.—Ода, увлекаясь предметами высокими, передавая въ камъ подвиги Героевъ и славу Отечества, воспаряя къ престолу Непреченнаго и пророчествуя предъ благоговѣющимъ народомъ, паришь, гренишь, блещешь, порабощаешь слухъ и душу читателя. — Сверхъ этого въ Одѣ Поэзіи безкорыстенъ: онъ не ничтожнымъ событиямъ собственной жизни радуется, не обѣ нихъ съпуетъ; онъ вѣщаешь правду и судь Промысла, торжествуешь о величіи родимаго края, мещешь первыи въ со-постановъ, блахилъ праведника, клямешь изверга. —

Въ Элегіи новѣйшей и древней Спихописатель говоришъ обѣ самомъ себѣ, обѣ своихъ скорбяхъ и маслаждеміяхъ. Элегія почти никогда не окрыляется, не лижуется: она должна быть тиха, плавна, обдумана; должна, говорю, ибо кло слишкомъ восторженно радуется собственному счастію —смѣшионъ; печаль же неисповая не есть Поэзія, а бѣшенство. Удѣлъ Элегіи умѣрен-

иность, посредственность. (Гораціева *aurea mediocritas* *).

Son enthousiasme paisible
 N'a point ces tragiques fureurs ;
 De sa veine seconde et pure
 Coulent avec nombre et mesure
 Des ruisseaux de lait et de miel,
 Et ce pusillanime Jcare
 Trahi par l'aile de Pindare
 Ne retombe jamais du ciel !

Она только тогда занимательна, когда, подобно нищему ей удастся (сколь жалкое предназначение!) вымолить, выплакать участіе, или когда свѣжестью, игривою пестротою цвѣтовъ, которыми осыпаетъ предметъ свой, на мигъ приводитъ въ забвение ничтожность его. Послѣднему пре-

^{*}) Вольтеръ сказалъ, что всѣ роды сочинений хороши, кроме скучнаго:—онъ не сказалъ, что всѣ равно хороши.—Но Буало, верховный, непреложный, законодатель въ глазахъ толпы Русскихъ и Французскихъ Сен-Моровъ и Ожеровъ, объявилъ:

Un sonnet sans defaut vaut seul un long
 poëme !

Есть однакоже варвары, въ глазахъ коихъ одна отважность предпринять созданіе Эпопеи взвѣшивавшее уже всевозможные Сонеты, Тріолеты, Шарады и — можетъ бытъ, Баллады. Соч.

бованію менѣе или болѣе удовлетворяютъ Элегіи древнихъ и Элегіи Гёшевы, названныя имъ Римскими: но наши Греки почли (*) вовсе не искушались въ семъ свѣпломъ, полуденномъ родѣ Позаїи. —

Посланіе у насъ или ша же Элегія, только въ самомъ невыгодномъ для неї облаченіи, или Сапирическая замашка, каковы Сапиры остряковъ прозаической памяти Гораций, Буало и Попа, или просто письмо въ стихахъ. — Трудно не скучать, когда Иванъ и Сидоръ напѣваютъ наизъ о своихъ несчастіяхъ; еще труднѣе не заснуть, перечиная, какъ они иногда въ трехъ стихахъ трехстопныхъ стихахъ другъ другу рассказывають, что, слава Богу! здоровы, и страхъ, какъ жалѣютъ, что такъ давно не видались! — Уже легче, если по крайней мѣрѣ репицкий писецъ, вместо этого, чтобы начать:

(*) Баронъ Дельвигъ написалъ нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ сколько помню — можно получить довольно вѣрное понятіе о духѣ Древней Элегіи. Впрочемъ не знаю, отпечатаны они или ишпъ.

Сот. —

Милосердивый Государь,

N. N.

воскликнемъ:

— — — — чувствительный Пѣвецъ,
Тебѣ (и мнѣ) опредѣленъ бессмертія вѣнецъ! —

а поючи ограничится объявленіемъ, что
читаетъ Дюмаре, училися азбукѣ и Логикѣ,
никогда не пишетъ ни сюжетъ, ни овалъ
и желаетъ быть ленскимъ! — Душъ легче,—
говорю—если онъ въ добавокъ не снабдишь
насъ подробнымъ описаніемъ своей кладо-
вой и Библіотеки и Швабскихъ гусей и
Русскихъ упокъ своего пріятелия. —

Теперь спрашивается: выиграли ли мы,
промѣнявъ Оду на Элегію и Посланіе? —

Жуковскій первый у насъ спалъ под-
ражать новѣйшимъ Нѣмцамъ, преимуществен-
но Шиллеру. Современно ему Башюш-
ковъ взялъ себѣ въ образецъ двухъ Пиг-
мееевъ Французской Словесности—Парни и
Мильвуа. Жуковскій и Башюшковъ на время
стали Корифеями нашихъ Стихотворцевъ
и особенно шой школы, которую нынѣ вы-
даютъ намъ за Романтическую. —

Но что такое Поэзія Романтическая? —

Она родилась въ Провансѣ и воспитана Данта, который далъ ей жизнь, силу и смѣлость, отважно свергъ съ себя иго рабскаго подражанія Римлянамъ, которые сами были единственно подражателями Грековъ и рѣшился бороться съ ними. Въ послѣдствіи въ Европѣ всякую Поэзію свободную, народную стали называть Романтическою. — Существуетъ ли въ семъ смыслѣ Романтическая Поэзія между Нѣмцами? —

Изключал Гёте и то только въ нѣкоторыхъ, немногихъ его твореніяхъ, они всегда и во всякомъ случаѣ были учениками Французовъ, Римлянъ, Грековъ, Англичанъ, наконецъ Италіянцевъ, Испанцевъ. — Что же ополосокъ ихъ произведеній? что же наша Романтика?

Не будемъ однако же несправедливы. При совершенномъ невѣденіи древнихъ языковъ, которое отличаетъ къ спыду нашему всѣхъ почти Русскихъ Писателей, имѣющихъ нѣкоторыя дарованія, безъ сомнѣнія знаніе Нѣмецкой Словесности для насъ не безъ пользы. Такъ на пр. вліянію оной обязаны мы, что теперь пишемъ не

одними Александриями и четырехстопными Ямбическими и Хореическими стихами.

Изученіемъ природы, силою, избышкомъ и разнообразіемъ чувствъ, картины, языка и мыслей, народностію своихъ твореній великие Поэты Греціи, Востока и Британіи неизгладимо врѣзали имена свои на скрыжалахъ безсмертія. — Ужели смысли надѣяться, что сравнимся съ ними попути, по которому идемъ теперь? — Переводчиковъ никто, кроме нашихъ дюжинныхъ переводчиковъ, не переводилъ. — Подражатель не знаетъ вдохновенія: онъ говоритъ не изъ глубины собственной души, а принуждаешь себя пересказать чужія понятія и ощущенія. — Сила? — гдѣ найдемъ ее въ большей части своихъ мукихъ, ничего не опредѣляющихъ, изнѣженныхъ, безвѣшныхъ произведеніяхъ? — У насъ все мета и призракѣ, все мнится и кажется и тѣдится, все только будто бы, какъ бы, нѣтъ, — это-то. Богатство и разнообразіе? Прочитавъ любимую Элегію Жуковскаго, Пушкина или Баратынского, знаешь всѣ. — Чувствъ у насъ уже давно иѣть: чувство унынія поглощило всѣ прочія. — Всѣ мы въ запуски тоскуемъ о своей погибшей мо-

лодосли; до безконечности жуемъ и перевеваемъ эшу шоску и на перерывъ щеголлемъ своимъ малодушiemъ въ Періодическихъ изданiяхъ (*). Если бы сiя грустъ не была просто Репорческою Фигурою, иной, судя по нашимъ Чайльдамъ - Гарольдамъ, едва вышедшимъ изъ пеленъ, могъ бы подумать, что у насъ на Руси Поэты уже рождаются спариками. — Картины веадъ однъ и тъ же: луна, которая—разумѣешся —уныла и блѣдна, скалы и дубравы, гдъ ихъ

(*) Да не подумаешь однако же, что не признаю ничего поэтическаго въ семъ сътвованiи объ утратѣ лучшаго времени жизни человѣческой, юности, сулащей столько наслажденiй, ласкающей душу споль сладкими надеждами. — Одно, два стихотворенiя, означенованныя при шомъ печатью вдохновенiя, промѣтекшiя отъ сей печали, должны возбудить живое сочувствiе особенно въ юношахъ: — ибо кто, молодой человѣкъ, не вспомнишъ, что при первомъ огорченiи — мысль о рагией кончинѣ, о поптерѣ всѣхъ надеждъ предстпавилась его душѣ, упышала и умилила его? —

Но что сказать о Словесности, которая вслѣ почти основана на сей одной мысли? —

Сот.

никогда не бывало, лѣсь, за которымъ сто разъ представляють заходящее солнце , вѣчерняя заря; изрѣдка длинныя пѣни и при-видѣнія, что - то невидимое , что - то не-вѣдомое , пошлия иносказанія , блѣдныя , безвкусныя олицетворенія Труда, Нѣги, По-коя, Веселія, Петали, Лѣни писателя и Скуки читателя; въ особенности же туманъ: шу-маны надъ водами , шуманы надъ боромъ , шуманы надъ полями , шуманъ въ головѣ сочинителя.

Изъ слова же Русскаго богатаго и мощнаго силятсѧ извлечь небольшой , благопристойный , припорный , искусшенно тощій , приспособленный для немногихъ языкъ , un petit jargon de coterie . Безъ по-щады изгоняютъ изъ него всѣ рѣченія и обороты Славянскіе и обогащающъ его архитравами , колоннами , бароналии , траурами , Германизмами , Галлицизмами и Барбариэмами . Въ самой Прозѣ стараются замѣнить Причастія и Дѣлопричастія безконечными Мѣстоименіями и Союзами . — О мы-сляхъ и говоришь нечего . — Печально на-родности означенованы какіе нибудь до-спиховъ въ Свѣшланѣ и въ Посланіи къ Воейкову Жуковскаго , нѣкоторыя , мѣлкія

стихотворенія Кашинна, два или три
мѣста въ Русланѣ и Людмилѣ Пушкина.—

Свобода, изобрѣтеніе и новость со-
ставляютъ главный прѣимущество Роман-
тической Поэзіи передъ такъ называемою
классической позднѣйшихъ Европейцовъ.—
Родоначальники сей миной Классической
Поэзіи болѣе Римляне, нежели Греки. Она
избыла устъ Стихотворцами — не Поэта-
ми, которые въ Словесности то же что
Вѣльцы (*) въ мірѣ Физическомъ. — Во
Франціи сие вялое племя долго господствова-
вало: лучшіе истинные Поэты сей земли;
на пр. Расинъ, Корнель, Мольеръ, не смо-
тря на свое внутреннее омерзѣніе, должны
были угождать имъ, подчинять себя ихъ
условнымъ правиламъ, одѣваться въ ихъ
тяжелые кафтаны, носить ихъ огромные
парики и не рѣдко жертвовать безобраз-
ныятъ идоламъ, которыхъ они называли
вкусомъ, Аристотелемъ, природою, поклоня-
ясь подъ сими именами одному жеманству,
приличію, посредственности. — Тогда нич-
ложные расхищали древнихъ сокровищъ

(*) Бѣлецъ или Альбиносъ, бѣлый Негръ. —

частнымъ, холодныиъ поворенiemъ умълк
оподлипъ лучшя изображенія, обороны,
украшенія оныхъ: шлемъ и латы Алкидовы
подавляли карловъ, не только неумѣющихъ
въ нихъ успримляться въ бой и поражать
сердца и души, но лишеныхъ подъ ихъ
бременемъ жизни, движенія, дыханія. — Не
тѣ же ли поворенія наши: младости и радо-
сти, честноты и сладострастія, и тѣ безы-
мянныe, опыжившіе для всего брюзги, ко-
нторые, — даже у самаго Байрона (Child-
Harold), надѣюсь — далеко не споять не
только Ахилла Гомерова, ниже Аріостова
Роланда, ни Тассова Танкреда, ни слави-
го Серваннесова Витязя печального образа,—ко-
нторые слабы и недорисованы въ
Пльнникѣ и въ Элегіяхъ Пушкина, неснос-
ны, сиѣшны подъ перомъ его Переписти-
ковѣ? — Будемъ благодарны Жуковскому, что
онъ освободилъ насъ изъ-подъ пла Француз-
ской Словесности и опѣ управления нами
по законамъ Ла Гарпова Лицея и Баптишёва
Курса: но не позволимъ ни ему, ни кому
другому, если бы онъ владѣлъ и въ десѧти-
ро большими передъ нимъ дарованіемъ, на-
ложитъ на насъ оковы Нѣмецкаго или Ан-
глійскаго владычества! —

Всего лучше имѣть Поэзію народную. Но

Расиномъ Франція опѣчаши обязана Европиду и Софоклу?—Человѣкъ съ шалашомъ, подвизаясь на пушы своихъ великихъ предшественниковъ иногда открываетъ обласпи новыхъ красомъ и вдохновеній, укрывшіяся опѣвъ взоровъ сихъ исполиновъ, его наставниковъ.—И такъ, если уже подражашь, не худо знать, кто изъ иностранныхъ Писателей прямо достойнъ подражанія?—Между тѣмъ наши живые Капологи, коихъ взгляды, разборы, разсужденія безпрестанно вспрѣчаешь въ Сынѣ Отечества, Соревновашель Просвѣщенія и Благопроворенія, Благонамѣреніи и Вѣсникѣ Европы обыкновенно спавляшь на одну доску: Словесности Греческую и Латинскую, Англійскую и — Нѣмецкую; великаго Гёпеля — недозрѣвшаго Шиллера; исполина между исполинами Гомера и — ученика его Виргилія; роскошнаго, громкаго Пиндара и — прозаического стихотворищеля Гораци; достойнаго наслѣдника древнихъ Трагиковъ Расина и — Вольтера, который чуждъ былъ испинной Поэзіи; огромнаго Шекспира и — однообразнаго Байрона! — Было время, когда у насъ слѣпо припадали передъ каждымъ Француозомъ, Римляниномъ или Грекомъ, освященныхъ

приговоромъ Да Гарпова Лицей. Нынѣ благоговѣютъ передъ всякимъ Нѣмцемъ или Англичаниномъ, какъ скоро онъ переведенъ на Французскій языкъ: Ибо Французы и по сю пору не перестали быть нашими законодавцами; мы осмѣлились заглядывать въ извѣрѣнія сосѣдей ихъ единственно потому, что они стали читать ихъ.

При основаціиъ юныхъ познаніяхъ и большемъ нежели теперь трудолюбіи нашихъ Писателей, Россія по самому своему Географическому положенію могла бы присвоить себѣ всѣ сокровища ума Европы и Азіи. — Фердоуси, Гафисъ, Саади, Джами ждутъ Русскихъ читателей. —

Но недовольно — повторяю — присвоить себѣ сокровища иноплеменниковъ: да создастся для славы Россіи Поззія истинно Русская; да будетъ Святая Русь не только въ гражданскомъ, но и въ нравственномъ мірѣ первою Державою во вселенной! — Вѣра праотцевъ, нравы отечественные, Лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя лучшіе, чистѣйшіе, вѣryшіе источники для нашей Словесности. —

Станемъ надѣяться , что наконецъ на-
ши Писатели , изъ коихъ особенно нѣко-
торые молодые одарены прямымъ шалан-
томъ , сбросяты съ себя поносныя цѣпи Нѣ-
мецкія и захотятъ быть Русскими . —
Здѣсь особенно имѣю въ виду А. Пушкина ,
котораго при Поэмы , особенно первая , по-
даютъ великия надежды . — Я не обинулся
смѣло сказать свое мнѣніе на счетъ и его
недоспапковъ : не смотря на то , увѣренъ ,
что онъ предпочелъ оное громкимъ по-
хваламъ Господина Издашеля Сѣвернаго , Ар-
хива . — Публикѣ мало нужды , что я другъ
Пушкина : но сія дружба даещъ мнѣ право ду-
мать , что онъ равно , какъ и Баратынскій ,
достойный его товарищъ — не усомнится ,
что никто въ Россіи болѣе меня не пора-
дуется ихъ успѣхамъ ! —

Сейдамъ же , которые непремѣнио вез-
дѣ , гдѣ только могутъ , провозгласяты ме-
ня Зоиломъ и зависпникомъ , буду опи-
чать только погода , когда найду ихъ на-
падки вредными для драгоцѣнной сердцу
моему Отечественной Словесности . — Опро-
верженія благонамѣреныхъ , просвѣщен-
ныхъ пропивниковъ приму съ благодарно-
стью ; прошу ихъ переслать оныя для по-

мъщенил въ Мнемозину и напередъ объявляю всѣмъ и каждому, чѣмъ любимѣйшее свое мнѣніе охопимо промѣнило на лучшее. Испина для меня дороже всего на свѣтѣ!—

В. Кюхельбекерѣ.

Э П И Г Р А М М А.

Дамонъ стихи въ печать отдалъ
И Публика зѣвай, догадалась:
Онъ имени не подписаль—
Чтожъ? — глупость за него тѣкъ подпи-
салась.

П—ой.

III.

ПРОЩАНИЕ ВОИНА.

Романсъ.

Звучитъ труба; ряды сомкнулись въ строй;
 Отечизны гласъ насъ призываешьъ къ мески:
 Подай мнъ мечъ непрепятстви рукою!
 Я возвращусь со славой съ полн. честы!
 Когда сойдусь я мечъ на мечъ съ врагомъ,
 Ты будешьъ мнъ невидимый хранитель;
 Любовникъ твой быть долженъ побѣдительъ!
 Ты быть должна ко славѣ мнъ вождемъ! —

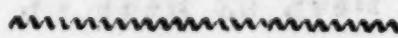
* * *

Цѣшами ты усѣй возвращенный пушъ!
 Да миръ и лавръ привѣтствуютъ Героя!
 Да склонитъ онъ на препятную грудь
 Главу свою, усталую отъ боя!
 Мой щитъ, мой шлемъ повѣсишь ты съ мечемъ!
 Пусть освящашъ они твою обителъ!
 Пусть говоряшъ, что я былъ побѣдительъ,
 Что ты была ко славѣ мнъ вождемъ!

* * *

Но пыль взвилась! подвигнулись полки!
 Прости! красы не омрачай слезами!
 Сей твердый мечъ, сей даръ твоей руки,
 Предвѣстникъ мнѣ побѣды надъ врагами!
 Твоя мольба предъ Вышнимъ алтаремъ—
 Сопутникъ мой и въ бурѣ бышъ хранишель!
 Любовникъ твой бышъ долженъ побѣдитель;
 Ты бышъ должна ко славѣ мнѣ вождемъ! —

Князь Вяземскій.

IV.

ВИДЪНИЕ.

Огни, сверкая, загорѣли
На легкихъ облакахъ проснувшихся небесъ;
Я слышу тихій зовъ пастушеской свирѣли
И сонъ мой пасмурный исчезъ!—

Но изголовіе омочено слезами,
Но я встревоженъ весь минувшими мечтами;
О! преклоните слухъ на мой разсказъ, друзья:
Быть можешь, отдохнешь при васъ душа моя!—

Луга сребрилися луною:
Подъ сѣнью деревъ, надъ свѣтлою рѣкою
Я видѣлъ юную, прелестную чету:
Они прекрасный мигъ ловили на лепту;

Они для счастія дышали;
Въ нихъ быстрая кипѣла кровь;
Имъ чашу радости, воспорговъ и печали
Несла съ улыбкою Любовь.—

А на скалѣ нагой и дикой
Старикъ угрюмый, блѣдноликой
Стоялъ надъ плещущей водой! —
Во тьмѣ невѣрной и сквозной
За трепетной занѣсой ночи
Его погасшіе угадывалъ я очи
И взоръ холодной и нѣмой; —

Луна весь спашъ его сіяньемъ обливала,
 И льдяная брада по поясъ упадала.
 Съ вершины сумрачной шамиспенныи¹ спарикъ
 Смотрѣлъ на юношу, на дѣву молодую:
 Но спрашенье былъ морозный ликъ,
 Онъ весь былъ погруженъ въ дремоту гробовую.—
 Такъ—мертвой высоты недвижимый жилецъ
 (Его толпъ на страхъ образовалъ рѣзецъ)
 Стоилъ—и, одинокъ, средь ужасовъ молчанья
 На ловчаго въ горахъ льетъ стужу содроганья;
 Съ лица пришельца вдругъ посыпалъ хладный
 попъ,—
 Онъ остановился надъ вѣчнымъ шумомъ водъ,
 Онъ взглянешъ:—на него сынъ дикаго искусства
 Съ нѣмой скалы гладитъ безъ жизни и безъ
 чувства (*)! —
 Но близилась гроза и воздухъ опягчѣлъ;
 Все небо черными одѣлось облаками
 И сѣ—раздранный вдругъ кровавыми браздами

(*) Шатобріанъ въ своемъ: *Genie du Christrianisme* повѣстуешь, что въ Южной Америкѣ въ Корделиерахъ не рѣдко вспрѣчаюшъ огромныхъ испугановъ, коихъ сооруженіе природные жители приписываютъ духамъ и какому-то племени великановъ, обитавшихъ въ древности. —

Сводъ звѣздный застоналъ, шатнулся, загремѣлъ!

А онъ, онъ безъ участья

Съ упеса голаго по прежнему смотрѣлъ,
Сквозь бѣшенство стихій, въ даль чернаго настшия.

Тогда — я съ препетомъ поспигъ его удѣлъ:

Миѣ страшныя уста ии слова не скѣзали;

Гроза, рокоча, прошѣкла:

Но мертвая душа душъ моей рекла

И весь я полонъ быль болезненої печали! —

СУЕТА СУЕСТВИЙ.

Отлевающая младость,
 Убивающей рукой
 Вырываешь за собой
 Все живое: скорь и радость!

Минъ сказала сердце: „иѣшъ!
 Ты для чувствъ не будешь камень!“ —
 Но пускъешь скоро свѣшъ,
 Въ сердцѣ скоро гаснетъ пламень:
 * * *

Все проходитъ, спынешъ кровь:
 И падетъ туманъ на вѣжды,
 И умчашся всѣ надежды,
 Слава, счастье и любовь! —

ПИСЬМО XIV.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.

²¹ Октября 1820го года дорогою между
¹⁵ Герцбергомъ и Греэнгайномъ.

Мы оставили Берлинъ и Пруссію; сообщаю вакъ, друзья, иѣкощорыя объ нихъ воспоминанія. — Вечеромъ въ мою бытность въ Потсдамъ я отправился полубольной въ Гарнизонную церковь; вхожу въ великолѣпный храмъ, выбитый алымъ бархатомъ: скудное мерцаніе нашихъ свѣтъ раздѣляло царствующій мракъ на огромныя тѣни, между которыми нарядка лоснились темнобагровыя ободи и сияла полускившая золота: молчаніе прерывалось нашими шагами и глухимъ ошголоскомъ зданія; когда мы останавливались и умолкали, безмолвіе возрастало и было гножелъ и печальнѣе. — Здѣсь похороненъ великий Фридрихъ; а возлѣ него лежишъ въ богатомъ мраморномъ мавзолеѣ отецъ его: смерть помирila ихъ! Сажь онъ въ прошломъ гробъ съ свинцовою обшивкою: онъ даже не хопѣлъ, чтобы бальзамировали его. —

Въ Берлинѣ я между прочимъ посыпалъ фарфоровую фабрику.—Механическія работы, машины, горны и проч., предметы для многихъ очень занимательные не только не возбуждаюпъ во мнѣ любопытства, они для меня отвратительны; посему иногда по природной мнѣ уступчивости бываю въ обществѣ другихъ въ мастерскихъ и фабрикахъ; но нечистота и духи па господствующія въ нихъ спѣсняютъ, спукъ оглушаетъ меня, пыль приводитъ въ отчаяніе, а сравненіе ничтожныхъ, но споль тяжелыхъ трудовъ человѣческихъ съ безсмертыми усилиями Природы будить во мнѣ какое-то смутное негодованіе. — Только иногда чувствую себя счастливымъ, когда могу вырваться и бѣжать подъ защиту высокаго, свободного неба; чувствую себя счастливымъ даже подъ завываньемъ бурь и грохотомъ грома: онъ оглушаетъ меня, но своими полными звуками возвышаетъ душу. — Съ любезнымъ для меня семействомъ Шадовыхъ я былъ въ новомъ Берлинскомъ Театрѣ: здѣсь огромный, свѣплый концертный залъ разширилъ сердце мое: я вдругъ почувствовалъ себя веселье. Это одинъ изъ прелестнѣйшихъ заловъ мою видѣнныхъ. — Воскресенье $\frac{29}{10}$ числа я былъ

съ Лаппенбергомъ (*) въ домъ одного Банкира изъ Гамбурга и слушалъ прелестное: Requiem. Пыли любилъ: въ числѣ ихъ поразилъ меня сынъ Банкира Авраама Мендельсона: онъ приѣхалъ съ отцемъ изъ Парижа и, будучи мальчикомъ 15 лѣтъ, чуднымиъ своимъ музыкальнымъ талантами успѣлъ уже прославиться. Никогда я не видывалъ столь совершенного красавца: его черные локоны въ природной свободѣ упадали до половины спины, шея и грудь бѣлыя; кожа сѣть, были открыты; черные, полуденные глаза горѣли и возвѣщали будущаго побѣдителя душъ! Уста небольшія, розовые казались созданными для поцѣлуевъ: въ его голосѣ вылетало сердце, узнавшее и чувствующее болѣе, нежели обыкновенно знающіе и чувствующіе въ его возрастѣ. — Между прочими любилъ находился другъ Шиллера Кёрнеръ, отецъ безсмертнаго юноши, героя, Поэта, мученика. —

Моя прогулки съ Лаппенбергомъ въ звѣринцѣ и въ саду замка Бельвю для меня всегда оспанулись памятными: мы часто разговаривали съ нимъ объ Россіи, объ Россійской Исторіи и объ языке Русскомъ:

(*) Лаппенбергъ, мой приятель, Посланикъ Ганзейскихъ городовъ при Берлинскомъ дворѣ.

онъ человѣкъ умный, ученый, разсудитель-
ный, одаренный въолиѣ трудолюбіемъ своего
народа и рвениемъ распространить область своего
знания.—Нерѣдко, мы ходили до успалости
по огромному зѣрнницу, въ сколько уже раз-
вѣнчанному ружою осеніи; воспоминали времена
минувшее и дивились оправданнымъ сльзамъ
и развалинамъ, которые онъ到处 оставля-
вилъ въ полеѣ своемъ; листья шумѣли
подъ ногами нашими или будили птицу
незавиднымъ падениемъ.—Мы оспомавливали-
лись; глядѣли на кущи зеленыхъ, синихъ,
жунсовыхъ деревъ и почки пугались, когда
вдругъ открывались съвѣтѣши видъ или
дорогу памъ, гдѣ еще ячера все для насъ
было завѣшано листьями.—Такъ въ ме-
сяціи времени испытательны боязливомъ
изумлениіи иногда усматривалась связь и
родство между такими предметами міра,
которые до того считались совершенно
одинъ другому чуждыми.—

ПИСЬМО XV.

ДРЕЗДЕНЬ.

30 Октября.

Я здѣсь точно въ странѣ волшебствъ и очарованій. — Весь день бѣгаю, наслаждаюсь и даже не икью времени передаю бумагъ своимъ наслажденіемъ.—Саксонская природа очаровываетъ меня еще и теперъ въ глубокую осень.—Представившися себѣ, друзья, чудесный Дрезденскій мостъ черезъ Эльбу, горы лѣсистыя, поюмы туманныя, синія, будто привидѣнія по объемъ споронамъ; у самаго моста величественную Каполическую церковь; представившися меня на мосту: глажу и на силу удерживаюсь, чтобъ не пропаинуть руку къ эпимъ очаровательнымъ опаденіоспамъ!—Облака плаваютъ въ темно-голубомъ небѣ; озаряются, вечернею зарею, опражаются въ водахъ вмѣстѣ съ мышными садами и готическими, живописными строеніями. — Всѣ долины, холмы и сканы усыяны безчисленнымъ множествомъ селеній, деревень, городовъ: — все здѣсь живутъ жизнью, — Люди пестрѣютъ въ своихъ разноцвѣтныхъ одѣждахъ.—Вчера

я былъ за городомъ съ нашимъ Докторомъ: народъ толпами валилъ въ общественный садъ, гдѣ Дрезденцы по Воскреснымъ днамъ пьютъ кофе и наслаждаются шабакомъ и природою: чтио шагъ, то новая въ глазахъ моихъ картина! Экипажи, всадники, иноземцы въ богатомъ Англійскомъ, Спуденскомъ въ странномъ Германскомъ нарядѣ, Гвардейцы въ красныхъ мундирахъ съ медвѣжьими шапками, ище, — словомъ волшебный фонарь! —

ПИСЬМО XVI.

ДРЕЗДЕНЪ.

Октября.
1 Ноября.

У меня было, какъ вы знаете, письмо въ Берлинъ къ Поэту Тидге, я его оставилъ здѣсь въ Дрезденѣ. Тидге живетъ у почтенной Госпожи Фонъ деръ Реке, сестры Герцогини Курляндской; въ ея домѣ я познакомился еще съ Бёппингеромъ и съ Тикомъ, братомъ ваятеля, главою Германскихъ Романчиковъ. Тидге человѣкъ лѣпъ имѣде-

сяти самой обыкновенной наружности; онъ съ первого взгляда болѣе похожъ на доброго Нѣмецкаго ремесленника, нежели на Поэта: коротенький парикъ, изъ подъ кощураго выглядывающіе сѣдые, рыжеватые волосы; маленькие сѣрые глаза; морщинное лицо; слабое, больное сложеніе и кривая нога — вонъ оболочка, въ которой завернутий шворецъ Ураніи! Тыдге разговариваешьъ съ большею живостью; его взоры воспламеняющіе и, если разсказывается, чѣмъ нибудь занимательное, онъ непримѣннымъ образомъ проливаешьъ шепоту въ своего слушателя. — Не рѣдко, посреди общаго разговора онъ задумывается и сидитъ занятый своими мечтаніями.— Госпожа Фонъ деръ Реке настъ заславила нѣсколько разъ замѣтишь, когда впадалъ онъ въ такое забвение. — Обратя на него вниманіе въ подобное мгновеніе, не смущаешь его, если онъ и увидитъ, чѣмъ на него смотришь; онъ тошчасъ приходишь въ себя и съ большими участіемъ вмѣшиваешься въ разговоръ общеспса. — Я много разсказывалъ ему о нашей Словесности: объ Державинѣ, Жуковскомъ и молодомъ лиорцу Руслана и Людмилы и долженъ былъ перевести для него нѣсколько стихотвореній Балюшкова

и Пушкина; онъ хочеть ихъ переложить
и поѣстить въ Журналъ, который въ
непродолжительное время будеъ изда-
ваться въ Германіи въ пользу семейства,
поспрадавшихъ отъ войны 1813 и 1814 го-
довъ. — Элиза Фонъ деръ Реке, урожденная
Графиня Медемъ, величественная, высокая
женщина, она никогда была изъ первыхъ
красавицъ въ Европѣ; нынѣ на 65 году
своей жизни Элиза еще плѣняетъ своею
добротою, своимъ умомъ, своимъ изобра-
женіемъ. — Фонъ деръ Реке была другомъ
славнѣйшихъ особъ, обезсмертившихъ по-
слѣдніе годы Екатерининаго вѣка: Великая
Императрица уважала и любила ее, уважа-
ла особенно, потому что ненавидѣла ги-
бельное суевѣріе, которое Кагліостро и по-
добные обманщики начали разпространять
уже въ послѣднія два десятилѣтія минув-
шаго вѣка. — Нынѣ это суевѣріе, не встрѣ-
чай даже между мужчинами столь просвѣ-
щенныхъ пропагандистъ, каковы были въ
прошедшемъ столѣтіи великая царь-жел-
езина и уинкл, смиливъ женщину-авторъ,
въ наше время оно быстро разпростра-
няется, воспрѣшаютъ отъ мертвыхъ старин-
ныхъ, давно забытыхъ словъ нашихъ по-
коинныхъ мамушекъ и нянечекъ, которыхъ

облекаешь въ пышныя, Греческія наяванія единственно для того, чтобы не спыдно было имъ вѣршь. — Всъ мы смеемся надъ привидѣніями, домовыми, предсказаніями и волшебниками; но какъ не признать власъ бѣлыхъ и черныхъ маговъ, говорящихъ самыи отборными, сладоспіными и темными языкомъ о возможности соединяться съ душами ощученными отъ тѣла, о существованіи Элементарныхъ духовъ, о плавныхъ откровеніяхъ и предчувствіяхъ? — За что Господа Каглюстро нашего времени одѣвающи въ самое лучшее Англійское сукно, носить Брегетовые часы, отъ нихъ пашеши аромапами; ихъ руки украшены кольцами, а карманы нашими деньгами; они все знающы, вездѣ бываш, со всеми знакомы; наши жены находить, что они ловки и любезны, а мы — что они премудры! Но возвратимся къ женщинѣ, которая сорвала личину съ тѣхъ предшественника. — Каглюстро въ свою бытность Митавъ успѣмъ прошламенить молодое никогда воображеніе Госпожи Фонъ деръ Реке и сестры ея Герцогини Курляндской. Впрочемъ Элиза не долго могла быть въ заблужденіи; она вскорѣ открыла всю гнус-

иоспль обманщика и почла своею обязанностью, пожертвовать собственнымъ самолюбиемъ для спасенія другихъ оигъ съшей подобныхъ изверговъ: она отпечатала описание жизни и дѣяній Графа Кагліосіро въ Мишавъ. —

Я никогда не забуду этой почтеннейшей, величавой, кропкой любимицы Музъ: вечеръ дней ея подобенъ тихому прекрасному закату благочорного солнца; ее обожаютъ всѣ окружающіе. — Почтенный Бёллингеръ мнѣ про нее сказалъ: „это не женщина; это прекрасное явленіе изъ того міра, которое напоминаешь все божественное, все высокое.“

Въ кругу, въ которому теперь нахожусь, знають, помнятъ и любятъ двухъ нашихъ Писателей: А. С. Шишкова и Н. И. Гречу. Шишковъ очаровалъ всѣхъ своею почтеннейшою наружностю; Тидге его имаче не называешь, какъ прекраснымъ спирцемъ: особенно онъ полюбился шворцу Ураніи живостию, съ которой принимаетъ всѣ впечатлѣнія. Н. И. Гречъ озадачилъ. Тидге и Господу Фонъ деръ Реке своимъ природнымъ, смыслимъ краснорѣчіемъ, не связаннымъ никакими свѣтскими узами. — У Тика

я быль сегодня поутру; онъ человѣкъ, чрезвычайно занимательный и достойный пріемъчанія по своему образу мыслей. Съ начала я упомянуль о сочиненіяхъ покойнаго Новалиса, Тикомъ изданныхъ и жалѣль, что Новалисъ при большомъ дарованіи, при необыкновенно пылкомъ воображеніи, не спарался быть яснымъ и совершенно упонулъ въ мистическихъ тонкостяхъ. Тикъ спокойно и тихо объявилъ мнѣ, что Новалисъ лсенъ и не счель нужнымъ подтверждить это доказательствами. О Виляндъ Тикъ судишъ спрого, но какъ мнѣ кажется, справедливо. „Виляндъ,“ говорилъ онъ, „сласполюбивъ и скрытенъ: онъ съ какимъ-то наслажденіемъ останавливается на неблагоприятныхъ предметахъ. Древніе Писатели распутнѣе Вилянда, но выше его въ глазахъ испиннаго Философа, потому что въ самыхъ своихъ заблужденіяхъ смѣлы и величественны и никогда не унижаются до шалости.“ Онъ согласенъ со мною, что въ Виляндѣ болѣе словъ, нежели дѣла. —

Что же касается до его мнѣнія о Клопштокѣ, оно такъ странно, что заслуживаетъ быть замѣчаннымъ: „Клопштокъ,

по словамъ Тика, не есть Христіанинъ, не
есть даже Пoэтъ нравственный, но скеп-
тикъ и потому писатель опасный.

И опять ~~всегда~~ ~~всегда~~ ~~всегда~~ ~~всегда~~ ~~всегда~~ ~~всегда~~

~~всегда~~ ~~всегда~~ ~~всегда~~ ~~всегда~~ ~~всегда~~ ~~всегда~~

~~всегда~~ ~~всегда~~ ~~всегда~~ ~~всегда~~ ~~всегда~~ ~~всегда~~

ПИСЬМО XVII.

22. Октября.

3 Ноября.

Въ прошедшее Воскресенье неожиданная
вспрѣча обрадовала меня въ Католической
церкви. Я наслаждался превосходнымъ пѣ-
ніемъ Королевскихъ кастрапловъ; объдня
опошла; вдругъ за мною крикнули вскрики-
ваешь, — оглядываюсь: это М... одинъ
изъ моихъ милыхъ Петербургскихъ пипом-
цевъ; онъ подводишь меня къ опицу; мы
обнимаемъ другъ друга, радуемся, удивляем-
ся. Я потому былъ у нихъ уже нѣсколько
разъ и въ ихъ домѣ познакомился съ моло-
дымъ человѣкомъ, котораго полюбилъ съ
двухъ первыхъ свиданій: его имя О.... онъ
былъ въ военной службѣ, и теперь находи-
лся въ Дрезденѣ для своей матери, коей
здоровье нѣсколько разспрошено. Вы себѣ
можете вообразить, друзья мои, какъ ча-
сто бываю я у М.... можете вообра-

зить, что мы разговариваемъ только и единственно о Россіи и не можемъ наговориться о ней: теперешнее состояніе нашего Отечества, мѣры, которыя Правительство принимаетъ для удаленія нѣкоторыхъ злоупотребленій, теплан вѣра въ Провидѣніе, сердечное убѣжденіе, что Священная Русь достигнетъ высочайшей степени благоденствія, что Русскій Богъ не волище даровалъ своему избранному народу его чудныя способности, его языкъ богатѣйшій и сладосливѣйшій между всѣми Европейскими, что Небо предопредѣлило Россіянамъ быти великииъ, благодатныиъ именіемъ въ нравственномъ мірѣ: волѣ что придаешь жизнь и теплоту нашимъ бесѣдамъ, заставляющимъ меня иногда совсѣмъ забывать, что я не въ Отечествѣ. Въ настоящемъ домѣ: Hôtel de Pologne, гдѣ мы нынѣ живемъ, нашелъ я еще вѣсколько человѣкъ Русскихъ: привѣтливѣйшій для меня Полковникъ Давыдовъ, братъ Поэта: онъ говорилъ мнѣ про Пушкина, съ кошо-рымъ обѣдалъ въ Киевѣ: я былъ чрезвычайно радъ, что могъ Давыдова познакомить съ Поэтомъ: Русланомъ и Людмила. —

ПИСЬМО XVIII.

ДРЕЗДЕНЬ.

28 Октября.

9 Ноября.

Я видѣлъ здѣсь чудеса разнаго разбора: двухъ великановъ, восковыхъ чучель, морскаго льва благовоспитанного, умнаго, который чудо изъ чудесъ, говорилъ Нѣмецкимъ языкомъ, и какъ увѣряютъ, даже нижне-саксонскимъ нарѣчіемъ! Люблю иногда вмѣшиваться въ толпу просшаго народа и замѣчать характеръ, движения, спрасти моихъ братій, коихъ опѣляють отъ меня состояніе и предразсудки, но съ коними меня связываетъ человѣчество: ихъ ни гдѣ не увидишь въ большей свободѣ, какъ при зреющахъ; здѣсь занятное ихъ любопытство раскрываешь въ рѣчахъ нравъ ихъ; они обнаруживаютъ всѣ свои познанія, свои чувства, свой образъ мыслей. — Саксонецъ вообще въ пакомъ случаѣ пихъ, молчаливъ, внимательенъ, глубокомысленъ: дѣти и спа-рики, мужчины и женщины безмолвствова-и съ благоговѣніемъ; они, казалось, въ самомъ дѣлѣ видѣли передъ собою Государей Европы, съ которыми знакомила ихъ быспрымъ;

снисшішимъ голосомъ обладательница сихъ карикатурныхъ изображеній ; казалось , хотѣли помочь несчастному Коцебу , кото-
раго при нихъ убивалъ сумасшедшій Зандъ ,
смотрѣли на Госпожу Сталь и на морска-
го льва , на великаншу и на всѣхъ присущ-
ствующихъ важно , приспально , спокойно ,
съ величественною осанкою . —

Къ стаканъ объ рѣдкостяхъ : чтобъ не забыть старика , Доктора Л. . . . нашего сосѣда , оригиналъѣйшаго изъ оригиналовъ ! Онь познакомился съ нами въ театрѣ и на другой день звалъ къ себѣ : *битѣ тай !* Это значітъ : пить чай ; и увѣрилъ насъ , что очень хорошо говорить *по Русски* , потому что когда - то былъ въ Польшѣ . — Услуж-
ливость и добродушіе , иногда переходящія за предѣлы пристойности и приличія , со-
ставляюші главную черту въ его харак-
терѣ : однажды опозванный внизъ къ А.
А. . . . и не имѣя какъ - то при себѣ ключа ,
я просилъ людей Давыдова посторечь мою
комнату ; это Л. . . . услышалъ и вызвался
пробыть въ ней до моего возвращенія ; я
съ начала совѣстился , что онъ меня при-
нудилъ согласиться . Л. . . . все знаешь ,
везде бывалъ , со всѣми знакомъ ; приводитъ
Миѳозинѣ . Ч. II.

къ вамъ купцевъ и предпріимщиковъ ; про-
даєшъ книги и картины ; предлагаешъ соб-
ственные услуги , хвалишъ ваши знанія ,
говоришъ и судишъ о Полишикѣ , торговлѣ ,
Литературѣ , Астрономіи и башмачномъ
искусствѣ ; ссылаєшся на жену и дочь , какъ
на свидѣтелей непреложныхъ , зовешь васъ
въ гости и душишъ своими ласками и уч-
тивостію : словомъ это муха , помогавшая
дорожнымъ Крылова и принесшая попомъ
по Метаморфозѣ видъ маленькаго , шол-
стаго спаричка и Доктора Медицины . —

Вчераший вечеръ раздѣлилъ я между
двумя женщинами , уже не молодыхъ лѣтъ ,
но до сихъ поръ плѣняющихъ своею любез-
ностію : до семи былъ я у М. А. О....ской ,
а попомъ у Госпожи Фонъ деръ Реке .
О . . . ская обворожила меня своимъ раз-
говоромъ и безпрестанно напоминала мнѣ
нашего Евгенія (*): она выражается совер-
шенно , какъ онъ ; употребляетъ почти тѣ
же слова , переходитъ съ тою же легко-
стію отъ предмета къ предмету . — Особен-
но полюбилъ я ее за ея знаніе Отче-

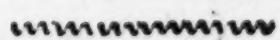
(*) Поэта Баратынского.

ственной Словесности: здесь въ Дрезденѣ нашелъ я женщину знающуу Дмишріева, Крылова, Державина, гораздо лучше, чѣмъ многія изъ нашихъ Петербургскихъ дамъ и девушки. —

У Госпожи Фонъ деръ Реке вчера читали новую книгу, въ которой Фоссъ обнаруживаетъ мѣры, употребленныя Графомъ Ф. Леопольдомъ Шпольбергомъ, чтобы преклонить къ Католической церкви часть Датскихъ подданныхъ; въ заключеніи Фоссъ оправдывается въ томъ, что пишетъ прошиву своего бывшаго друга; разсказываетъ исторію ихъ связи, ихъ постепенного, взаимнаго охлажденія и наконецъ перехода Шпольберга къ Католической церкви. Не смотря на то, что Фоссъ о своемъ несчастномъ другѣ говоритъ иногда въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ, я о Шпольбергѣ болѣе жалѣть, нежели осуждалъ его. — Вездѣ являющаяся въ его испорти душа прекрасная, только искаленная придворною жизнью и предразсудками знамнаго Дворянства. — Фоссъ напротивъ иногда слишкомъ колокъ и суровъ, и мѣстами достопримѣнъ осужденія, почему чѣмъ говорить о вещахъ, о которыхъ не долженъ бы упо-

минать, по крайней мѣрѣ изъ благовѣнія
къ ангелу Агнесъ, къ милой, прелестной
первой супругѣ несчастнаго Шпольберга:
она мирила и соединила ихъ, когда еще
при жизни ея раздраженное соревнованіе и
обиженное самолюбіе угрожали разпорг-
нуть союзъ ихъ. — Съ ужасомъ слушалъ я
исторію двухъ друзей спавшихъ врагами:
забудемъ, друзья мои, всѣ непріятности,
которые когда-нибудь были между нами!
будемъ снисходительны къ мнѣніямъ и сла-
бостямъ каждого изъ нась и дадимъ слово
другъ другу, что станемъ любить на-
шихъ братій, не спрашивая во всемъ ли
ихъ образъ мыслей сходенъ съ нашимъ! —

Кюхельбекеръ.

VI.

Э Л Е Г И Я.

Мой другъ, я испощилъ безплодное старанье!

Ми звука прежніаго въ струнахъ не пробуждать;

Сковало ихъ упорное молчанье

И пламенный восторгъ отвыкъ ихъ потрясать.

Я въ горести нѣмой смотрю на лавръ далекой,

Какъ воинъ раненой на подвиги другихъ.

Соперники мои бѣгутъ къ мечѣ высокой. . . .

А я одинъ ошсталъ опь нихъ.

Спыхусь бездействія, но дѣйствовать не въ
силахъ!

Всѣ мысли, чувства всѣ, любовь сожгла во мнѣ;

Она кипитъ въ горячихъ жилахъ;

Она опьяняетъ сонъ, пль въ безнокойномъ снѣ
Волнуетъ грудь мою Желаинъемъ безпредмет-
нымъ. . .

Давно лъ я жаждою извѣсности пылалъ?

Давно ли мысли препечатъ
Про смерти лѣчъ подъ камнемъ непримѣт-
нымъ? . . .

Алина, я тогда еще на зналъ тебя!

Я не горѣлъ огнемъ неукрошимымъ;

Не зналъ блаженства—быть любимымъ

И не слыхалъ о щастии — жить любя!

Но ты предстала мнѣ — и я проспался съ
словой,

Я щастливой любви пожертовалъ моловой

И недѣлимое съ тобой

Бессмертье было бъ мнѣ отправой! . . .

П. . . . 3.

VII.

ПѢСНЬ СТРАДАЛЬЦА.

Рано ты свѣшило
Упромъ озлѣшило
Ясный небосклонъ.
Сиявъ ночныхъ тѣни,
Изъ смиренной сѣни
Рано гониши сонь!

* * *

Пусть сводъ неба чистый,
Пусть и лугъ росистый
Съ влажною тропой;
Тихъ и боръ дремучій,
Паръ одинъ лепучій
Бродиши надъ рѣкой.

* * *

Какъ подъ кровлей зилой,
Здѣсь младенецъ милой,
Беззаболно спиши,
Окруженъ мечтами,
И сквозь сонъ устами
Призраки манишъ.

* * *

Будь мой другъ спокоенъ,
 Будь сей міръ усшроенъ
 Къ радости твоей!
 Ми жъ величъ страданье
 Упреждать сіянье
 Утреннихъ лучей!

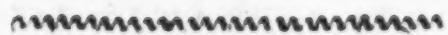
* * *

Пробудясь со мцю,
 Рѣзвою толпою
 Насѣкомыхъ рой,
 На зарѣ кружится,
 Жаждя насладиться
 Краткою весной.

* * *

Ихъ живая младость,
 Ихъ любовь, ихъ радость
 Все — не дольше дня!
 Но какъ знать, быть можешъ,
 Имъ судьба положитъ
 Пережить меня!

A. Мансуровъ.

VIII.

ПРОКЛЯТИЕ.

Прокляты, кто оскорбить Поэта
 Богамъ любезную главу !
 На грозный судъ его зову !
 Онъ будешь посмѣянъ свѣта !
 На крыльяхъ гнѣвнаго скиха
 Помчится спыдъ его въ попомки ! —
 И мѣда ему ихъ хохотъ громкій
 И не искупитъ онъ грѣха !
 Напрасно въ мукахъ покаянья
 Онъ съ воплемъ и испадетъ во прахъ ;
 Пусть призоветъ печаль и страхъ,
 Пусть на пѣвца пошлетъ страданья ; —
 Равно безстрашенъ и жестокъ,
 Свой слухъ затворитъ заклинанью ;
 Предастъ злодѣя поруганью
 Священный, пламенный, пророкъ ! —
 Пройдетъ близъ сумрачнаго гроба —
 Пришелецъ поспѣшною ногой
 И покиваетъ гололой ;
 Тамъ смрадно изплѣваетъ злоба !
 А въ жизни рабъ или тиранъ,
 Поэта гнусный оскорбитель,
 Нѣшь, извергъ, не тебѣ былъ данъ
 Восторгъ, бессмертья похищитель !
 Всѣ дни твои тяжелый сонъ !
 Ты Музъ и пѣсни ненавидишь :

Ты знаешь роковой законъ
 И ужь свое бѣзчестье видиши !
 Но бодро радостный пѣвецъ
 Чело высокое подъемлешъ ,
 Берешъ спрадальческій вѣнецъ
 И мѣсто межъ Боговъ приемлешъ ! —

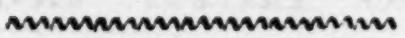
Кюхельбекеръ.

IX.

АФОРИЗМЫ ИЗЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ПО ЧАСТИ СОВРЕМЕННАГО ГЕРМАНСКАГО ЛЮБОМУДРІЯ.

Нѣшъ труда пягоспинѣ и безполезнѣе упражненія въ однихъ опытныхъ знаніяхъ, безъ всякаго высшаго на нихъ воззрѣнія.— Опъ сего обыкновенно бываетъ, что люди съ оспличными дарованіями, предаваясь всѣмъ возможнымъ наукамъ, спремясь по всѣмъ направленіямъ безъ порядка, безъ опредѣленныхъ, изъ безусловныхъ началь выведенныхъ законовъ, — ни въ чемъ не проникающъ до самаго зерна, могущаго служить корнемъ многостороннему и безконечному образованію. — Еще счастливы,

когда послѣ всѣхъ штѣпнѣхъ покушеній убѣдятся, что на многое тратили время напрасно, а пренебрегали существеннымъ. Отъ сего - то не рѣдко и бываетъ, что юноши съ душею пламенною, способною къ умствованіямъ возвышеннымъ, пораженные замѣшательствомъ и явными противорѣчіями, существующими въ опытномъ образѣ преподаванія, начинаютъ довѣрять недостойнымъ, имѣющимъ о наукахъ понятія низкія, питающимъ непримиримую ненависть къ образованности.

Цѣль науки — сама наука — нѣть для нее другой вѣшней цѣли. — Но обыкновенно случается, что при опредѣленномъ занятіи какою-либо особеною наукой, забывающъ всеобщее образованіе, при спремлении сдѣлаться законоискусникомъ, врачомъ или воиномъ—оставляющъ высшее назначеніе учениости: облагородствованіе, возвышеніе духа наукою. Таковые почитаютъ науки средствомъ, а поступки—цѣлю, имѣющъ о первыхъ только то понятіе, которое получили изъ ежедневныхъ дѣлъ и побужденій. По ихъ мнѣнію знанія потому только и хороши, что могутъ служить

средствомъ для нѣкоторыхъ дѣйствій : Философія научаетъ ихъ исполняшь въ жизни свои обязанности, потому что только и нужна Философія. Они производятъ ее не изъ свободной необходимости духа , но подчиняютъ поистинѣ, данному имъ наукою . — У нихъ вообще наука служитъ къ тому только, чтобы поле было засѣяно , — ремесла усовершенствовались , или чтобы чтобы поправить свои испорченные соки . Математика , по мнѣнію ихъ , — прекрасная наука , не потому , что она есть чистѣйшая очевидность , вещественное отраженіе самого разума , но потому , что учишь измѣрять поле и спроизводить дома , или наконецъ способствуешь морской торговлѣ , — уменьшаешь же ея цѣну , по мнѣнію ихъ , что , что она полезна и для войны , а война противна общему человѣколюбію . Философія часто служитъ для послѣднаго — т. е. помогаетъ веселии войну пропаганду зараженныхъ головъ , пропивъ защитниковъ низкаго своеокорыстія въ наукѣ — и потому что по ихъ мнѣнію достойна отверженія .

Надежнѣйшимъ средствомъ пропаганды односторонности образованія — можетъ слу-

житъ изученіе наукъ , болѣе общихъ : Математика возноситъ духъ къ числымъ , умственнымъ познаніямъ , отдельнымъ отъ матеріи . Любопытство , объемлющее цѣлаго человѣка , касающееся всѣхъ споронъ природы его — еще болѣе можетъ овободить духъ отъ ограниченности одностороннаго образованія и возвысить его въ область всеобщаго , независимаго .

Изученію какой - нибудь особенной части должно предшествовать познаніе всеобщаго чертежа наукъ . Посвящающій себя на изученіе какой - либо Отдельной науки , долженъ знать место ея въ Цѣломъ , духъ ее отличающій , долженъ знать , какимъ образомъ сія наука , будучи Особенною , Частною , сливается съ гармоническимъ единицемъ Цѣлаго , знать самое построеніе сего Цѣлаго , знать способъ , какъ приняться за сію отдельную науку , дабы заниматься ею не рабски , но свободно — обнять ону въ духѣ Цѣлаго .

Отсюда ясно , что истинное ученіе можетъ произойти только отъ дѣйствительного и точнаго познанія живой связи всѣхъ

наукъ, чѣмъ безъ сего всякое наспавлевіе
мертво, бездушно, односторонне и ограни-
ченно.

Таковое познаніе никогда можетъ быть
столько не было нужно, какъ въ настоя-
щее время, когда и въ наукахъ и въ иску-
сствахъ все, кажется, быстрѣе спремиши-
къ единству, когда въ область его вклю-
чается самое отдаленное, когда всякое по-
трясеніе въ его средоточіи, или около
онаго, скоро и какъ бы непосредственno
переходилъ во всѣ части и образуетъ но-
вый органъ созерцанія болѣе общій и поч-
ти для всѣхъ предметовъ. — Такія времена
пройдутъ ли не породивъ новаго свѣта?
не принимающіе дѣятельнаго въ оному,
участія, въничтожесквъ погребутся. Осо-
бенно лишь свѣжимъ, неиспорченнымъ си-
ламъ юнаго міра поручено быть можетъ
охраненіе и образованіе столь высокаго
дѣла. — Никто не можетъ быть исключе-
ніемъ отъ содѣйствія, ибо всякая от-
расль требуетъ совершенного возрожденія.
— Дабы начать съ успѣхомъ — потребно,
чтобы каждый, проникнутый духомъ Цѣ-
лаго, взиралъ на свою науку, какъ на членъ
органическій, и зналъ бы назначеніе онаго въ

образуемся миръ.—Сего достигать каждый долженъ въ то время, когда еще не закоренѣлъ въ заспавленыхъ формахъ, и когда онь продолжительного влияния безразсудства другихъ или собственного своего не погасли въ немъ искры божественныя—слѣдовательно въ ранней юности.

Отъ кого же должно требовать сего познанія, на кого положиться въ семъ отношении?—Больше всего на самого себя и на доброго Генія, коего руководство не обманчиво; далѣе на тѣхъ, комъ по своей Особенной, Частной наукѣ ощущаютъ потребность въ высшихъ и всеобщихъ свѣденіяхъ о Цѣломъ въ наукахъ. Кто самъ не достигаетъ общей Идеи оныхъ, тѣмъ безъ сомнѣнія не можетъ возбудить ее въ другихъ: кто посылаетъ свое трудолюбіе, впрочемъ достойное уваженія, какой-нибудь подчиненной, ограниченной части, темъ никогда не возвысится къ созерцанію органическаго Цѣлаго.—Таковое созерцаніе какъ въ Общемъ можетъ произойти только отъ науки наукъ—отъ Любомудрія, такъ и въ Частномъ принадлежитъ одному любомуудру, коего Особенная, Частная наука, есть безусловно всеобщая и коего всѣ

спі
зна

сіє
дъл
пен
обр
Как
удо
ямъ
спа
пол
аль
есци
внъ

влеч
жим
личн

(*) В

че
вт
ТА
Ч

спримлениі обращены на всеобщность по-
знатія.

Но что есть сія Идея науки? что есть
сіе единое безусловное знаніе, которое раз-
дѣляясь на вѣти по различнымъ спо-
сіямъ проявляющаюся идеального міра,
образуетъ неизмѣримое древо познанія? —
Какъ знаніе всякаго знанія — оно должно
удовлѣтворять всѣмъ возможнымъ случа-
ямъ безъ всякаго исключенія (*). Сего пред-
ставить себѣ не льзя безъ высшаго пред-
положенія, что истиинно Отвлеченнное (Иде-
альное) безъ всякаго другаго посредства
есть истиинно Вещественное (Реальное) и
внѣ онаго нѣтъ другой вещественности. —

Сіе тождество Вещественного съ От-
влеченнымъ — какъ бы по инстинкту — слу-
житъ всегда основаниемъ тому, что въ раз-
личныхъ наукахъ обыкновенно говорится

(*) Вотъ почему системы, подверженныя исключеніямъ, какъ пустыя предположенія, догадки въ области наукъ не должны имѣть места.
Таковы всѣ опытные системы. — См. Ми.
Ч. стр. 63.

объ общихъ законахъ вещей или Природы.— Всѣ хотятъ, чтобы непонятное въ Частныхъ явленіяхъ — имѣло ясность, очевидность Общаго умственнаго воззрѣнія; допускающъ тождество Оплюченнаго съ Вещественнымъ въ ограниченныхъ сферахъ знанія, для какого-либо Особеннаго случая: но возможно ли сие допустить, не допуская онаго тождества въ Общей сфере знанія и для всѣхъ случаевъ?

Такъ Геометръ основываетъ свою науку на семъ единстве Вещественнаго съ Оплюченнымъ, ибо, доказывая напр. что во всякомъ пріугольникѣ сумма трехъ угловъ равняется двумъ прямымъ, — онъ береть свой доказательства не отъ сравненія съ какими-либо именно пріугольниками, — но отъ *Идеала*, Оплюченія (определѣнія); онъ знаетъ сие изъ самаго знанія, котрое совершенно оплючено, и потому совершенно вещественно.

Въ Математикѣ тождество Оплюченнаго съ Вещественнымъ весьма очевидно: напр. въ Идеѣ пріугольника, или иначе въ определѣніи онаго заключаються всѣ пріугольники, безъ означенія однако же именно какого-либо Конечнаго, частнаго пріуголь-

ника. Для осуществления Идеи пріугольника, она необходимо должна опразниться въ опредѣленномъ, гастро-и, въ какомъ либо равнобедренномъ или равносотороннемъ пріугольнике: однимъ словомъ должны разреаниться въ многоразличие, проявившися въ Конечности. — На оборотѣ, всѣ особенные пріугольники, вмѣстѣ взятые, совершенно равны своему опредѣленію, иначе отъ логики пріугольнику; распроспрашивъ сіе предложеніе, и тогда получимъ: Вещественное равно Опавленному; Вещественное есть же Опавленное, но только разрозненное, сдѣлавшееся Конечнымъ; всѣ Конечные равны высшему Идеалу. Вещественное и Опавленное одно и то же, только въ двойственной формѣ. Опавленное есть же Вещественное, только заключенное въ формѣ безпредѣльной, вѣчной, цѣлостной; Вещественное есть же Опавленное, только подъ формою частиною, многоразличиою. Въ обѣихъ — бесконечность: въ Вещественномъ безпредѣльность особенныхъ формъ; въ Опавленномъ — одна безпредѣльная форма; здесь — вѣчность, шамъ — бесконечность.

Идея сего совершенного единства Отвлеченного съ Вещественнымъ — есть Абсолютъ. Сія идея отразилась и въ наше — и наше знаніе въ цѣлости своей должно быть ея определеніемъ. Али какъ иначе? Само собою разумѣется, что здесь дѣло пдемъ не о частныхъ наукахъ, уже умывшихся отъ общей цѣлости, пользы своего Идеала; но всякое частное знаніе, всякая отдельная наука — заключается въ ономъ, какъ органическій членъ, и потому всякое знаніе недѣйствительно, нѣтъ можно, если начала своего не ведутъ отъ первоначальной идемъ всѣхъ знаній.

Въ сей точки зрѣнія должно совершать всякую отдельную науку — дабы оную обнимать съ тѣмъ высшимъ вдохновеніемъ, которое называемъ Гениемъ уччености. всякая мысль не въ духѣ сего высочайшаго единства сана по себѣ пуста и должна быть отвергнута. То, что гармонически не можетъ принадлежать — къ сему дѣятельному, живому Цѣлому, то есть только мертвый наростъ, который по законамъ организма рано или поздно испрѣбится; въ самомъ дѣлѣ въ царствѣ Наукъ довольно трупней, кои, не имѣя способности творить, лишь производятъ

(*) Съ
св
и
на

вильшиє: нарости и стараюся болѣе и
болѣе распространять спеканки и своего
бездушія. Испорял философіја, оправдывая свою вину
за то, что она имѣла для мира спасеніе
— искажи ясно и чисто. Альб.
Испорял философіја, поѣтъ памъ
о Пиродорѣ, что онъ до него существованіе
названіе науки ~~сторѣ~~ — мудрость замѣнилъ
словомъ философіја — любовь къ мудро-
сти, либо единъ Богъ премудръ. Кла-
кова бы ни была истина сего испориче-
скаго сказанія, но самое измѣненіе сего
имени не показываетъ ли, что всякое ана-
мѣ есть пріобщеніе тому первоначальному
Знанію, коего — отраженіе если видимая
вселенная, и моего источника — начало
вѣчного могущества? — На шомъ же осно-
вавії, что Знаніе едино и всякая часть
онаго, составляепъ его органическій членъ,
всѣ науки и роды знанія суть части Еди-
наго Любомудрія, иначе спремленія къ пер-
воначальному Знанію, къ Всесовершен-
ному (*).

(*) Съ сей стороны должно разсматривать про-
свѣщеніе, а не вести его необходимость отъ
мѣлкихъ вещественныхъ пользъ; утверждаясь
на той зыбкой основѣ, что науки должны

Но все, что непосредственно происходит изъ безусловного, совершенного, — есть само безусловно, совершенно, и не имѣть цѣли въ себѣ, но само себѣ есть цѣль. Знаніе въ своей цѣлости — есть безусловное отраженіе вселенной, а бытіе, Природа — его впорое проявленіе. — Въ области Вещественного владычествуетъ Конечность, въ области Отвлеченнаго — Безконечность. Первое зависитъ отъ необходимости, впорое отъ свободы Человѣкъ, какъ существо разумное опредѣленъ быть дополненіемъ міроявленія, изъ его дѣятельности развиваются дополненіе къ цѣлости проявленія Всесовершенного, ибо, хотя Природа и отрѣжаетъ его, но лишь вещественно, существо же разумное — отрѣжаетъ самую сущность Абсолюта, следствіенно — отвлеченно.

(Продолженіе будешь).

Одесск.

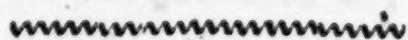
имѣть единою цѣлію — удовлетвореніе мірскимъ нуждамъ, трудно защищить образованность отъ обвиненія во вредѣ будшо бы ею производимомъ.

Од.

В Е Ч Е Р Ъ.

Я люблю вечерний пиръ,
 Гдѣ веселье заѣдашель,
 А свобода, мой кумиръ,
 За столомъ законодатель;
 Гдѣ до утра слово: „пей!“ —
 Заглушаетъ ярики пѣсенъ,
 Гдѣ просторенъ кругъ гостей,
 Но кружокъ бузылокъ пѣсенъ! —

А. Пушкинъ.

XL.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ТРАГЕДИИ:
МАРИЯ СТУАРТЪ.

(Бурлей въ предыдущемъ явленіи убѣждалъ
Елизавету подписать смертный приговоръ
Маріи: Королева колебалась.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Бурлей, Елизавета, Мельвиль и
Лейчестеръ.

Мельвиль.

. . . . Что я зрю и что предпринимаешь?

Бурлей.

Препячество новое!

Мельвиль.

Страхъ не напрасенъ мой!

Елизавета.

Мельвиль! всѣ требуютъ....

Мельвиль.

Кто властенъ надъ тобой?

Елисавета.

Хотя́ть, чтобы́ пригово́ръ я утверди́шь ръши́лась!

Мельвиль.

Уже́ ль покорство́вать рабамъ ты согла́си́лась?

Но ты въ смяшени́и, но ты оско́рблена,

Ты помнишь топъ ударъ, которымъ сражена —

И избра́ла сей часъ для важнаго ръше́нья! —

Ахъ! жди въ спокойныя минуты размы́шленья...

Бурлак.

Такъ жди, чтобы́ плѣница, насыпивъ месхи́ жаръ,

Смертельный на тебя обрушила ударъ!

Мельвиль.

Стокрашъ спасеная Всевышняго десницей,

Въ немъ обрѣтеть всегда́ защи́ту предъ убийцей:

Твои совѣтники неправедно реку́шъ,

Когда Маріи жизнь опасною зову́шъ:

Опасна смерть ея! Живе́шъ — ощъ всѣхъ забве́на;

Умре́шъ — и мстите́лей исполнитися вселенна,

И въ памѧти шогда исчезне́шъ Англичанъ,

Что́ ихъ законъ едва Марій не попранъ;

Но правъ ея святыхъ воспоми́шь оско́рбле́нъе

И крови Генриха позорное плѣненье.

Тамъ, памъ, гдѣ́ нынѣ ты среди народа волъ

Текла — и онъ шумѣлъ окрестъ, восторга полъ,

Гдѣ клики радосши твой слухъ увеселяли,

Гдѣ изоры свѣтлыя очей твоихъ искали;

Тамъ завѣра обрѣтешь повсюду страхъ нѣмой,
 О чувствахъ подданныхъ сей голосъ роковой ,
 Сие безмолвіе, въ народахъ знакъ спокойный ,
 Что ихъ власнители любви недостойны .
 Нѣшь! не захочешь ты дѣяніемъ шакимъ
 На вѣкъ позоръ нанесть безсмертымъ днямъ
 Своимъ ;
 Нѣшь! устрашишься ты , что мира гласъ прав-
 дивой ,
 Царей въ могилахъ ихъ судя небоязливо ,
 Между несчастныхъ скершъ Марію наречесть ,
 Что смерть ея въ ряду злодѣйствъ познаешь
 Свѣтъ ,
 Что обвинители твои , пылая местью ,
 Но заглушенные шеперь шумящей леспью ,
 Бытописаніямъ безжалостнымъ на судъ
 Елисаветы дни изъ гроба воззовутъ!
 Содроглась ты... , къ стопамъ священнымъ упадаю
 И за тебя въ сей часъ тебя же умоляю!

ЕЛИСАВЕТА.

Къ какимъ страданьямъ я , Мельвиль , обрѣчена ?
 За чѣмъ ошь рукъ убійцъ миъ жизнь сохранена ?
 За чѣмъ усердныхъ длань ихъ подвигъ удержала ?
 Тогда бы кончилъ все одинъ ударъ книжала ,
 Тогда бъ я не была споль жалкою въ сей часъ !
 Виновныхъ позабывъ , упрсковъ не спрашась ,
 Тяжелый свергнувъ санъ съ души моей безсильной ,
 Дочила бъ мирно я во мрачности могильной !

Я жизнью и въицемъ, Мельвиль, ушомлена!
Когда Маріи смерть спасти меня должна,
Когда одной изъ насъ назначено судбою
Не вмѣстъ на земль существовать съ другою —
За чѣмъ Маріи пастъ? за чѣмъ, душой успавъ,
Я ей не уступлю моихъ наследныхъ правъ?
Пусь ей державу дастъ народное избранье —
И завтра же шеку въ то древнее изгнанье,
Гдѣ я, далека отъ скорбной суеты,
Безбурий юности вкусила вѣкъ златый;
Гдѣ я, далека отъ блеска и разирата,
Была въ самой себѣ величіемъ богата!
Мельвиль! умѣла я народомъ управлять,
Доколь могла одинъ щедроты изливать;
Но должно ихъ пресечь и я цѣною сею
Короны не куплю: казнишь я не умѣю!

БУРЛЕНЬ.

Безмолвенъ буду ль я, внимая симъ словамъ?
Британцамъ гибнущимъ я ль помочи не дамъ?
Елизавета ли вѣщала здѣсь предъ нами?
Ты ль, свой народъ любя, грозишь ему бѣдами?
Тебѣ ль спокойной быть, какъ подданныхъ покой
Еще не утвержденъ незыблемо тобой?
Ты намъ принадлежиши; мы счастливы дотолѣ,
Доколь, надежда всѣхъ, ты будешь на престолѣ!
Иль при Маріи здѣсь воскреснушъ предковъ дни,
Когда подъ властью Папъ не знали благъ они?
Иль придуши вновь рабы законовъ, Римомъ данныхъ,

Здесь храмы занворяшь, разъичишаъ въчаниыхъ?
 Помысли о чистъ грядущихъ нашихъ бѣдъ;
 Воспомни, дашь за нихъ всей Англіи отвѣтъ
 И Богу! — На чредъ сиящемой, многотрудной,
 Будь менъ слабою, но болѣ правосудной!
 Будь сострадашельна къ народу, не къ врагамъ;
 Не робкимъ женщинамъ, подобна будь Царемъ!
 Прерви шешие безчисленныхъ раздоровъ,
 Прерви всѣ ужасы, о вѣрѣ давнихъ споровъ,
 И ковы шайные и древнюю борьбу,
 Которую Сшуаршъ лишь прекрашишъ въ гробу.
 Всесильной дланію ты удержи надъ бездной
 Законы, вѣру, пронъ и свой народъ любезной!

ЕЛИСАВЕТА.

Да удалится всѣ! Хочу на единѣ
 Всесильного Судью призвать на помощь миѣ:
 Невѣденье людей Его не омрачаетъ
 И Онъ, Единый Онъ путь правды освѣщаетъ!

(Лорды удаляются во глубину театра, Лейтестеръ и Мельвиль, отходя, смотрятъ на Королеву, кажется, безъ надежды).

О в
Тир
Дав
Сми
Иль
Иль
Иль
Жел
На
Прі
Вос
Бро
На
Сту
Вез
Не
Мой
Я ц
Жи
Ми
Ког
Уже
Уже
Мор
Теч
Въ

ЯВЛЕНИЕ ИН.

ЕЛИСАВЕТА.

О всенародный гласъ! ты, властелинъ людей!
Тиранъ немиловий, спѣсивый Царей!
Давно скучаю я, влекомая всемъ міромъ.
Смирявшись передъ симъ презрѣннымъ мікумиромъ:
Иль рабствоватъ Цари народу рождены?
Иль черни угождашь на тронахъ мы, должны?
Иль, скованная ввѣкъ боязнию своею,
Желанья не свершу, которымъ пламенѣю?

Я воцарила міръ среди подвластныхъ мѣстъ,
Но буря и досѣль свирѣпствуєтъ окрестъ:
Пріязнь коварную ко мнѣ пишающъ Галлы;
Воскресъ среди тирей Испанецъ неусталый;
Бросаетъ громы Сикстъ; мяшениковъ союзъ
На вѣки разорвать напрасно я спремлюсь;
Спуарпъ, неокрышая своей шемницы мракомъ
Вездѣ мнѣ предстоитъ губительнымъ призракомъ!
Не время ли ей пасТЬ законовъ подъ мечемъ?
Мой страхъ окончішся преступницы концемъ;
Я царствовать начну спокойно, безопасно.
Жить боль не могу, шерзаясь ежечасно!....
Мнѣ ль препетать вѣковъ за мщеніе врагу?....
Когда же славы я мої не собрегу....
Уже мой видишъ взоръ намъ грозное попомство,
Уже мой внемлѣпъ слухъ судящихъ вѣроломство:
Марія женщина, несчастлива и въ ней
Течетъ священная кровь родныхъ мнѣ Королей;
Въ шемницахъ двадцать лѣтъ мнѣ равная спрадала;

Довольно скорбь ее за все вины карала !
 Вотъ зависѣшь иѣкогда что въ мірѣ повторишь.
 Но какъ! мнѣ смертю преступница грозишъ,
 Мой обольстила дворъ и, съя заговоры,
 Опъ подданныхъ моихъ неправдѣ ждешъ опоры!...
 Ктобъ думалъ? Лейчесперъ.... но трепещи, злодѣй!
 Испытанъ будешь ты, спокойнымъ быть умѣй.
 А я помилую!.... Нѣтъ, смерть! прочь жерѣмость!

(Приближается къ столу, на
 которомъ лежитъ приговоръ
 Маріи; хотѣтъ подписать, но
 вдругъ останавливается).

Одна черта.... но ахъ! моя неподвижность
 Меня покинула.... Въ рѣшительный сей мигъ
 Трепещетъ длань моя; сколь ужасъ мой великий!
 Мнѣ кажется, что міръ стоитъ передо мною,
 Что я ражу ее — сей самою рукою!
 Могу ли довершить? могу ль.... (Молганіе).

Она предъ нимъ
 Дерзнула пренебречь величиемъ моимъ!
 Съ какой мнѣ гордостью обиды расточала!
 Ему казалось — она торжествовала! —
 Напрасенъ гнѣвъ ея, ея безсильна месть!
 Мой, мой ударъ вѣрный: онъ долженъ смерть
 несшь!

(Хватаетъ сѣ жадностью перо).

Я беззаконный плодъ, корону посрамляю,
 Я провъ похитила, Британцевъ угнѣтаю —

Несчастна! умрешь и оправдаюсь я;
 Избранье между насть разрушитъ смерть швей!
 Такъ, да не будетъ вѣкъ сомнѣнья никакого,

(Подписьватъ быстро и рѣши-
 тельно).

Законная ли дочь я Генриха осьмаго!

(Перо выпадаетъ изъ рукъ ея и
 она, какъ бы испуганная, бро-
 сается въ кресла. Тотчасъ при-
 ходитъ съ себѣ и подаетъ знакъ
 пажамъ, чтобъ спустили Лор-
 довъ, которые находятся въ
 залы, но все въ виду зрителей).

Н. Павловъ.

XII.

Былъ възстановленъ въ звании архимандрита и посланъ въ Азию для изученія
Евладій, архимандритъ Азійской митрополії.

ВЛАДІЙ.

— и на борту сидел старый моряк. (Картина из советской жизни).

ПОДАЧА ВЪДЪВЪДЪ във вид на телесъсъ

Было время, вы не помните его, друзья мои; было время, когда въ Москвѣ было каменное — жили за Москворѣчьемъ почтиться такими же преступленіемъ, какъ теперь явившися на балъ въ пестромъ жилетѣ. Въ это счастливое время девушки еще не читали французскихъ романовъ, потому что плохо читать умѣли, а молодые люди почитали чинъ Сержанта гвардіи — цѣлую человѣческой жизни. Въ общеславахъ парики и кафтаны вѣка Людовика XIV также спорили съ грубымъ невѣжествомъ, какъ теперь выученные изустѣль имена французскихъ писателей спорятъ съ тѣмъ же невѣжествомъ; во многихъ домахъ не было другой книги, кроме календаря и што купленного для предузнанія погоды, ешаго камня, на которому до сихъ поръ еще изощряется Московское

краснорѣчіе, а на сполахъ словесникъ перетинтался Кургамы Письмовникъ.

Въ еще время сладилася въ Москвѣ своею красотою и знанностию Княжна Алина Б... Тысячи жениховъ виделись вокругъ нее — но родишили Алины, надувные козыречки знали родни своей — никакого не находили достойныхъ руки ея.

Между тѣмъ наступала другая эпоха Московскаго образования. — Понималася дамская прическа, обрѣзалися мужскія косы; уже девушки начали пряпать подъ пильцами бѣдную Лизу, Царевну и Горбуну; молодые люди спали поговаривать, что можно слушать и не для однихъ чиновъ, но еще нѣжные родители называли ихъ за то беззаконниками, — еще власть родительской просыпалася за предѣлы власти человѣческой, еще смотрѣли съ какимъ-то ужасомъ, съышаннымъ съ благоговѣніемъ на того, кто умѣлъ смасперить мадригалецъ.

Въ Москвѣ явился Графъ Людоровъ. Проведши молодость свою въ Парижъ, или, лучше сказать, въ Палермо — онъ привезъ въ отечество лишь испощенное здоровье и новой фасонъ для галстуковъ.

Судьба, пробуждавшись нимъ цолька, сдѣлала изъ него ісправное смѣшнѣе образованаго съ невѣждою, но въ обоихъ выбрала худшее! — Она дала Графу ту увѣренность въ собственномъ достоинствѣ, которая сполько позволена, необходима даже прощенному, и опяяла лучшую принадлежность просплюдима — простоту иравовъ. Словомъ, Графъ Людоровъ былъ какъ бы предвозвѣстникомъ, обращи-комъ — благородной черни нашего времени.

Когда и въ наше время, благородная чернь играетъ споль важную роль на свѣтѣ, мудрено ли, что тогда Людоровъ всѣхъ ослѣпилъ своимъ ложнымъ блескомъ? — Едва обратилъ онъ взоры на Княжну Алину — спарушки захлопали — и осьминадцатилѣтняя красавица сдѣлалася, почти не зная, какъ... Графинею Людоровою.

Пролеѣли годы, — уже ничѣмъ не побѣждаемое оружіе Сапиры покрывало срамомъ спарые предразсудки, уже новые, благородныя мысли бродили вездѣ съ большими успѣхомъ; — не знаю, какъ пробрались они сквозь шарканья старыхъ придворныхъ, сквозь безмыслия столкованія и Французскіј полуостровъ свѣт-

скихъ автоматовъ, но эти мысли доспѣли ушай Графини. Не помогла ли имъ скучная бесѣда спараго мужа, — не знаю, но только вдругъ Ліодорову разлюбили родныя спарушки, — Ліодорову, копорую онъ почтали чудомъ міра: — къ одной она не поспѣла на иммнинный обѣдъ, къ другой на рождемье шроюродный внучки-любимицы— сколько предметовъ для различныхъ толковъ и пересудовъ!

„Чтожь сдѣлалося съ Ліодородой?“ спросиле вы: я удивлю васъ, друзья мои! Она вдругъ почувствовала ужасную пустоту еї окружающую: сиѣпскій вихрь еї маскучилъ, предчувствіе, что будеъ скоро машерью поразило ее: она успыдилась душевной наготы своей и съ необыкновенною бодростю успремилася совершиль забытое воспоманіемъ. — Трудно подумать, чтобы женщина принялась за то, будучи окружена толпою шварей безмысленныхъ; но вѣрше мнѣ, али не вѣрше, духъ времени на полѣ битвы, вѣчной цѣли своей, какъ бы послалъ имъ щѣкомерыхъ людей, однажды вѣрши, минуты шѣлеснаго дѣянія, — другъ, когда даже сашь ощущалъ вѣчнаго, какъ быстрое

Мцекону

М.

7

ДЕФЕКТ ОРИГИНАЛА

пламя, мгновенно возникаешь въ нихъ, — производишь бури душевныя и далеко уносящіе изъ прежняго ихъ, тѣснаго круга.

Графъ, придерживаясь спаринной Французской методы видѣлъ въ женѣ своей женщину — и потому должностю почтальонъ быть съ ней любезнымъ, иногда волочился за нею, какъ и за всѣми женщинами, а впрочемъ никакъ не входилъ ни въ образъ жизни ея, ни въ занятия. Однажды только, взявъ у ней изъ рукъ томъ Державина и, небрежно перекрывши лисицкіи — онъ спросилъ съ полуважнымъ Французскимъ видомъ: „Tout cela est du Russe?“ — и не дождалась отвѣта принялъся справляться въ Парижскихъ газетахъ о здоровьи Папы.

Между тѣмъ беременность Графинины возросла. Чтобъ избавиться отъ скучныхъ, обрядныхъ посещеній, она отправилась въ подмосковную на єто время и тамъ произвела на свѣтъ близнецовъ — мальчика и девочку.

Графъ оспался въ Марль — онъ былъ влюблёнъ тогда въ новообрѣщенную Французскую Актрису — но распространное отъ распутства «дорогое» послужило безобразной тѣлодвиженію.

Не проходиши и двухъ дней послѣ ро-
довъ, какъ Ліодорова получаешьъ изъ Москвы
извѣстіе, чтио мужъ ея на смертномъ
одрѣ и желаетъ еще разъ увидѣть ее. —
Ліодорова забываетъ малюшокъ и слабость
свою — и спѣшишь въ Москву.

Не буду вамъ описывать ужаснаго зре-
лища ей предстаившагося. Чья жизнь
была — безпрерывное совершенствованіе,
тому на земль знакомо небесное, поть
бодро оставляешъ прахъ земной, онъ
привыкъ отрясать его! — Но горе, горе
оземленію тѣломъ и духомъ! Жизнь не
земная страшитъ его, какъ грозное пред-
вѣщеніе! — Одръ смертный его — одръ
печалей!

Графъ скончался. Ему приготовили
пышные похороны, домашній стихопле-
рецъ написалъ ему девяностопинную Епита-
фію съ рифмами; старушки пополковали
много ли была огорчена Графиня во время
погребенія — словомъ все дѣло шло своимъ
чредомъ, какъ вдругъ ужасный ударъ снова
поразилъ Ліодорову.

Деревенскій домъ, въ которомъ нахо-
дился дѣти Графини, ночью загорѣлся; все

было погребено пламенемъ. Тщетно хотѣли спасти хотя несчастныхъ малютокъ, кормилица успѣла выхватить лишь одну дѣвочку — мальчикъ же былъ задавленъ подгорѣвшими спиропилами.

Скорая поѣздка послѣ родовъ, видъ спрадальца, плачевная участіе сына — все это вмѣстѣ повергнула Ліодорову въ болѣзнь ужасную.

У Ліодоровой былъ родственникъ и сельдь по деревнѣ — Добрынскій. — Ешомъ Добрынскій былъ человѣкъ чудесный. Приятели Добрынского называли его чрезвычайно умнымъ, ученымъ, набожнымъ, благотворительнымъ, рассказывали о его добрыхъ дѣлахъ, птайнно сдѣланныхъ, о трудахъ его, ночныхъ бдѣміяхъ; — добрыя спарушки шоковали о немъ съ умиленіемъ, качая дрожащими головами, сшавили его въ примѣръ молодымъ людямъ; молодые люди, какъ водится, ихъ не слушали.

И почно — казалось, что Добрынскій былъ соединеніе всѣхъ добродѣтелей. Его скромность, умѣренность во всемъ даже

иъ бездѣлицахъ превосходили искное описание. Имъя безумчее сопоставне оиъ жилъ въ маленькой, наемной комната; одинъ фракъ соправлялъ весь гардеробъ его, спрятанный дрожки — весь екипажъ. Входя къ нему, вы бы удивились чистотѣ и порядку всего въсѧ окружающаго; все, на свое мѣсто; самая строгая Нѣмецкая точность не нашла бы ничего переставить. Одинъ столъ, нѣсколько въ беспорядкѣ, заваленный кни-
гами почты на всѣхъ языкахъ, и, не забудыне, разогнутыми являемъ глубокія зна-
нія, пруды своего хозяина.

Скромный видъ его, тихая поступь, глаза, полупленные въ землю, какая-то
шамисовицкость въ словахъ и поступкахъ,
парѣка кидаемые быстрые взгляды — все-
ляли къ нему нѣкоторый страхъ и уваже-
ніе. Дамы находили глаза его чрезвычайно
проницательными, а вырывающіяся слова —
многозначущими.

Но если заводилъ когда ученый споръ въ большемъ ли общесловѣ, въ дружеской ли бесѣдѣ — Добрынскій наблюдалъ глубокое
молчаніе, комечно отъ скромности; одна
ироническая улыбка являлась на усахъ
его. Сюю улыбкою онъ часчио приводилъ

въ смущеніе молодаго человѣка, иногда испытывавшаго образованнаго, но по неопытности ищущаго все право недовѣрять своимъ знаніямъ.

Дамы изъ етой улыбки заключили многое. „Видиши ли какъ онъ учень, та чéре,“ говорили онъ другъ другу — „даже спорить ни съ кѣмъ не хочеть!“

Но алые люди, хладнокровно на все смотрящіе, не слишкомъ вѣрили сему заключенію; толковали, что кто любилъ познанія, тоѣсть любить и говорить о нихъ, а что всегдашнее молчаніе также подозрительно, какъ несносна болтливость. — На повторяемыя дамами слова Добрынского — что порядокъ въ комнатахъ, означаєтъ умъ въ ней живущаго, отвечали, будто бы въ шакомъ слушать, всѣ кресильяне Германіц были бы умнѣе Гейденгейнскихъ Профессоровъ. — Иные замѣчали, что большая часть книгъ лежала по цѣльмъ мѣсламъ разогнутыми на одной страницѣ, вѣроятно отъ большаго вниманія читашелл, — что даже пыль на нихъ показывала; другимъ же случилось какъ-то въ расплохъ видѣть подъ Санкрипскимъ Лексикономъ съ пружинкою картиу, а подъ Шпиллингомъ

конечно для справокъ, рукописную книжку: *Искусство дѣлать баламутъ* (*); наконецъ мѣнѣорые говорили, что Добрынскій тогда только помогаетъ бѣднымъ, когда всѣмъ будешь извѣстно, чѣмъ тайно добро сдѣлано.

Но чѣмъ слушать хладнокровныхъ людей, которые обо всемъ судить по своему и никакъ не хотятъ согласиться съ общимъ мнѣніемъ! не ужъ ли мало того для удостовѣренія въ достоинствахъ Добрынскаго, что спарушки каждый день присыпали лакеевъ съ приказомъ: кланяться и спросить о здоровьи, а дамы не могли довольно надивиться его учености?

Ліодорова не принадлежала ни къ той ни къ другой сторонѣ. Какъ женщина умна— она не видѣла въ Добрынскомъ, подобно другимъ, чего-то сверхъ естественнаго,—но какъ женщина—не имѣла довольно бодрости, чтобы воспротивиться его необыкновенной вкрадчивости, способности, которая иногда имѣють и самые ничтожные люди.

Добрынскій часто посѣщалъ Ліодорову, во время ея болѣзни. Надобно замѣтить,

(*) Искусство подбирать карты.

что онъ имѣть способность бывшъ весьма терпѣливымъ съ больными, угождайши имъ, поддѣлываясь ко всѣмъ ихъ капризамъ. Посредствомъ сего онъ приобрѣшалъ всеобщее почтеніе, а сверхъ того дружбу выздоровѣвшихъ, — видъ его напоминаль имъ объ утѣшениіи, ими полученному.

Однажды, когда Графинѣ сдѣлалось уже лучше, онъ вошелъ къ ней съ корзинкою въ рукахъ. Какое-то удивленіе было начертано на лицѣ его. „Перстъ Божій!“ — входя сказалъ онъ съ шаинственнымъ видомъ: „перстъ Божій!“ — повторилъ онъ, возведя глаза къ небу. — „Посмотрите, мою находку, Графиня!“

Тутъ онъ открылъ корзинку — въ ней лежалъ — двухнедѣльный мальчикъ. — „Сегодня,“ продолжалъ Добрынскій, „сполна всеющиомъ бдѣніи, я думалъ о васъ, сударыня, о вашихъ потеряхъ, и слезы умиленія капалися по лицу моему. Конечно, молитва моя была услышана. Возвращаюсь домой — и первый предметъ, представившійся глазамъ моимъ — эта корзинка. — Кто принесъ его — неизвѣстно, но само Небо начнаетъ васъ быть матерью ешаго младенца. — Вы лишились сына — Небо вамъ возвращаетъ его.

Ліодорова взглянула на младенца, какая-то неясная мысль пробуждала въ головѣ ея — она приняла его: и сей-то младенецъ — былъ Елладій, юный другъ мой,— герой моей повѣсти.

Не буду утомлять васъ разсказомъ о первыхъ дняхъ Елладія. Вы довольно уже знаете Ліодорову — и потому можете судить, что она ничего не щадила для воспитанія его и Маріи своей дочери; можете судить, что это воспитаніе не было похоже на то, что благородная чернь наставляетъ у насъ воспитаніемъ. — Говориць ли вамъ еще о томъ, что Елладій и Марія, живъ вмѣстѣ, свыкалися, что привычка обращалася въ дружбу, дружба въ любовь — это вы найдете во всѣхъ романахъ, но вотъ обстоятельство, не сполько въ нихъ обыкновенное: Ліодорова съ удовольствіемъ смотрѣла на такую связь между молодыми людьми. — Будучи превыше свѣтскихъ предразсудковъ, она видѣла въ Елладіи — не человѣка безъ имени, можетъ быть низкаго происхожденія, — но могущаго соспавить щастіе Маріи, которое цѣнитъ дороже всѣхъ свѣтскихъ приличій.

Г'ерою нашему исполнилось осьмнадцать лѣтъ. Тогда я познакомился съ нимъ. Какъ теперь смотрю на Елладія! — Видъ юноши былъ точнымъ изображеніемъ души его: на лицѣ Елладія самонадѣянность и скромность быстры смыкали другъ друга, а сквозь умный, часто задумчивый взоръ его не рѣдко прокрадывалася насмѣшливая улыбка! — Таковъ онъ былъ и по внутреннимъ своимъ качествамъ:

Не вѣрь же тѣмъ, копорые утверждаютъ, что никто не можешъ совершенно оцѣнить себя. Толкующъ ето лишь тѣ, копорые по низкой ли робости, по увѣренности ли въ своемъ превосходствѣ, илинаконецъ по непривычкѣ къ размышенію, не осмѣливалися вникать во глубину души своей. — Елладій, совершенно постигая и свои достоинства и свои недостатки, твердо зналъ мѣсто, которое ему суждено было занимать на незамѣримой, изъ столь разнообразныхъ степеней соспавленной лесущицѣ ума человѣческаго. — Имѣя одною ишою — испину, или по крайней мѣрѣ ишо, чѣо ему казалось испиною, онъ на быстромъ стремлении къ ею, со всемъ жаромъ молодости, опрокидывалъ преграды полагаемые ему приличіемъ ли, собствен-

нымъ ли самолюбіемъ. Высоко цѣнія въ себѣ ешо спремлениe, онъ презиралъ малодушныхъ, беспечно прозябающихъ, въ ирачной обласпї бездѣйственности; но всегда недовольный собою — благоговѣль предъ умами возвышенными, дѣятельными. Ненавидя собственныя слабости, онъ негодовалъ на тѣхъ, которые ихъ какъ бы поощряли собою; — видѣ же мудраго, напоминая Елладію о собственномъ несовершенствѣ, повергалъ его въ уныніе. — Я бы самаго Елладія назвалъ истинно мудрымъ, если бы такія чувствованія хранилися тайно въ сокровищницахъ души его, скрытая отъ цечистыхъ взоровъ толпы безсмысленной — завѣсою равнодушія; но пламень молодости скигалъ сю завѣсу — и благородныя чувствованія, исходя изъ вицнноснѣ во всей наготѣ своей — скажалися: твердость характера — издалося управлениемъ; чувство собственнаго достоинства — безразсудною самонадѣянію, безкорыстное спремлениe къ совершенству — странностю; наконецъ невольное презрѣніе къ безмысленнымъ — обращалось въ насмѣшливость. — Такъ свѣтъ, солнечный, белломный духъ міра, — проливавшись во мракъ, терялъ первобытную чи-

споту свою, преломляясь, мутнится, хощя все еще прекрасенъ и въ своихъ преломленихъ; — такъ обезобразившися все небесное въ земномъ иничожесше!

Само собою разумѣется, что съ такимъ характеромъ, съоль рано развивающемся и въ послѣдствіи лѣтами укрѣпленномъ, Елладій не могъ быть тѣмъ, кого въ общесиѣ называють любезнымъ, милымъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые отталкиваютъ отъ себя толпу, но за то, пріобрѣшая друзей или недруговъ, пріобрѣтаютъ испинныхъ и на вѣки.

Я уже сказалъ, что Ліодорова съ удовольствiemъ смотрѣла на связь, возникшую между Елладіемъ и Марию, но забылъ сказать, что она спаралася показать, будто бы не замѣчаешь этого, можешь быть, думая, что препятствія должны еще болѣе укрѣпить любовь въ сердцахъ юныхъ; — въ самомъ дѣлѣ — если препятствія, будучи превозмогаемы доспавляющей удовольствія неизѣянными, даже въ спафоси, когда хладѣютъ всѣ чувствованія — онъ въ воспоминаніяхъ замѣняютъ пламень юношескій и тихимъ наслажденіямъ дружбы придаютъ воспоги любви бурной, поры-

вистой, — какъ бы уравновѣшивающъ сіи
два чувствованія.

Марія любила Елладія, какъ брата — по
привычкѣ. Получивши отъ природы нравъ
шихій, она не способна была ни къ какимъ
сильнымъ чувствованіямъ; она принадле-
жала къ числу тѣхъ, у коихъ характеръ
въ продолженіи цѣлой жизни кажешся го-
товымъ, развишися, но не развивающійся. —
Всякое впечатлѣніе колебало ее и постепенно
уступало мѣсто другому новому, которо-
ое также было непродолжительно. Дѣ-
вушка — она любила шаряды, воспитан-
ная въ кругу Московскихъ старушекъ —
не забывала и о своей знамной породѣ, и о
сердечно соглашалася съ своею матерью въ
сущности того и другаго. Любила живо-
пись, но когда мать мимоходомъ замѣчала
ей, что не слишкомъ ли долго сидѣла она,
нагнувшись надъ картиною, Марія хладно-
кровно отставляла кисть и садилась за фор-
шпопьянио, не по слѣпой покорности волѣ
материнской, но только потому что ей
кто-то говорилъ о перемѣнѣ занятія. Лю-
била шансоновать, но безъ всякой скучи
могла просидѣть въ продолженіи цѣлаго
бала, не шансонул. Любила читать, но
гощова была остановлена на самомъ заня-

тельномъ мѣстѣ книги. Впрочемъ, была
весьма умна и добродушна. — Вы спросите,
можетъ быть, какъ такое холодное суще-
ство могло понравиться пламенному Елла-
дію? Я и самъ этого не знаю; — ужъ не
по тому ли, непреложному закону Природы,
по которому соединяются всѣ проливопо-
ложности? — Такіе примѣры въ свѣтѣ не
редки. — Сверхъ того Марія имѣла весьма
привлекательную наружность — ето тор-
жество женщины. Глаза ея, съ длинными
ресницами, всегда полуоткрыты; склони-
русы волосы; пышные перси; какая-то из-
нѣженность во всемъ тѣлѣ, совершенное оп-
супствіе бодрости, сполъ отвратительное
въ мужчинѣ и сполъ прекрасное въ жен-
щинѣ — все это придавало Маріи прелестъ
неизъяснимую.

Елладію исполнился 22 года. Уже Гра-
финя Ліодорова гопова была исполнить свое
желаніе, соединивъ Елладія съ Маріею, — но
грозная туча отяготѣла надъмоимъ героямъ.

Пора вамъ узнать, друзья мои, Добрыи-
скаго — онъ преважную роль играетъ въ
жизни Елладіевой. — Онъ, закоренѣлый въ
пришвартовѣ, пробѣжалъ полстолѣтія, со-
хранивши имя человѣка честнаго и умнаго,

но въ самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ ужасный; Гнусное корыстолюбіе поглощало въ немъ всѣ другія чувствованія — а картина эта была средствомъ для удовлетворенія сей спраски. — Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать, онъ надѣлъ на себя линчу набожности, спраски къ познаніямъ, благоворительности. Цѣлая шайка картичниковъ, укрывавшихся отъ взоровъ пралишельства, была въ его распоряженіи. Каждый день разсыпался они по цѣлому городу, по гульбищамъ, трактирь, театрамъ, развѣдывали о новопрѣжающихъ, о ихъ состояніи, обѣ образѣ жизни, — и ввечеру приносили подробныя увѣдомленія Добрынскому.

Ему же, знакомому съ цѣлью города, пользовавшемуся всеобщимъ уваженіемъ, не нудрено было, съ помощью своихъ сопрудниковъ не только знакомиться съ несчастными жертвами, но взыраясь къ нимъ въ довѣренность, дружбу; ето онъ умѣлъ дѣлать съ такимъ искусствомъ, чѣмъ, казалось, не онъ самъ искалъ знакомства, но другіе его искали и чѣмъ даже по ему тягостно; каждого новаго знакомца онъ увѣрилъ, что замѣтивши въ немъ необыкновенныхъ достоинствъ, удоспиваешь его своей пріязни; съ набожнымъ говорилъ онъ

о спасеніи души ; съ благопорицельнымъ о добрыхъ дѣлахъ ; съ ученымъ старался болѣе молчаніе , или завесили рѣчь о тѣс- ныхъ предѣлахъ ума человѣческаго, и сверхъ того , о чёмъ-то шакомъ , о чёмъ гордая Философія и грезить не смѣетъ . Такимъ образомъ инымъ умѣль онъ понравившися согласіемъ во мнѣніяхъ , другихъ поразишь своею шампіоннѣстю ; а каждого заспа- вишь дорожишь своею дружбою . — Даже и иногда , когда повергалъ несчастныхъ жертвъ въ бездину несчастій — они не только не почипали Добрынскаго виновникомъ своего злополучія , но еще къ нему же приходили каляться въ своихъ ошибкахъ . — Самъ же онъ , по предосторожности никогда не игралъ , — его дѣло было лишь свидѣть играющихъ , а на досугъ изобрѣпать раз- мые картижныя плутовства , какъ-то под- боры , передержки и проч.

Однажды его поварищи подмѣтили въ трактирѣ молодаго , лихаго улана , кото- рый чѣмъ-то небережно опсыпался день- гами ; разомъ знакомялся съ нимъ за бу- шылкою Шампанскаго , узнавшъ , что онъ имѣетъ богатое имѣніе , — а Добрынскій находилъ случай съ нимъ познакомиться у одной своей родни Глупосилиной . — Еша

Глупосилица была, по ея собственному уверению — весьма невинная девушка — лысъ 40, — которая съ досады на опившую молодость, рѣшилась быть смиренницею, развозила по городу вѣсти о свадьбахъ, сговорахъ, которые всегда у ней, какъ камень на душъ лежали. Однимъ изъ главныхъ пунктовъ ея Философіи было то, что она картечниковъ никакъ не почипали людьми, хотя чѣмъ нибудь погрѣшающими прошивъ законовъ Божескихъ или человѣческихъ; напршивъ выигрышъ ей казался — особенною Божіею милостію. „Богъ даетъ!“ — говорила она. Въ слѣдствіе такихъ правилъ — она была помощницею Добрынскаго во всѣхъ его плутовствахъ: вмѣстѣ съ нимъ заманивала молодыхъ людей, дѣлилась съ нимъ выигрышемъ, а между тѣмъ не мало способствовала къ распространенію славы о его добродѣтеляхъ, ибо по громкому своему голосу имѣла довольно вѣсть въ городѣ.

На сей разъ етой достойной четѣ предстоѧлъ подвигъ довольно трудный. Храбровъ, такъ назывался лихой уланъ — никакъ не давался въ сѣпи, которыхъ ему расставляли сотрудники Добрынскаго. Тщетно истощали всѣ обыкновенные, такъ сказать, Мнемозина. Часть II. 8

простонародных карпежных хитростей: тщетно тратили деньги на Шампанское, тщетно предлагали ему быть съ нимъ въ половинѣ; — Храбровъ ни съ кѣмъ не дѣлился, выпивалъ бокаль за бокаломъ, а между тѣмъ хладнокровно подмечалъ подборы, не пропускалъ ни одной передернутой карпы — и всѣ хитрости своихъ проливниковъ обращалъ имъ же во вредъ.

Уже игроки падаютъ духомъ, уже рѣшаются оставить въ покой Храброва, но Добрынскій, какъ закоренѣлый карпежникъ, не превожится неудачами, и никакъ не хочетъ такъ легко выпустить изъ рукъ добычу: въ головѣ его безпрепанно вѣртился мысль о богатомъ имѣніи Храброва. Назначаютъ день игры. Добрынскій выдумываетъ хитрость, которая теперь, какъ говорятъ, уже въ большомъ употребленіи у карпежниковъ, но опровергаю, что въ первый разъ употреблена была Добрынскимъ. —

Садятся, играютъ — Добрынскій налагаетъ на себя должность снимать со свѣчъ; какъ нарочно, безпрепанно на свѣчахъ нагораешь; Добрынскій не лѣнился снимать, — и чѣо снимешь, то убьютъ карпу Храброва. — Улану вскорѣ надѣла ела проказа,

онъ замѣтилъ въ чемъ дѣло, быстро схвашілъ близь лежавшій ножъ и разомъ пригвоздилъ къ сполу Добрынскаго руку вмѣстѣ съ щипцами: хотя обыкновенно бездѣльники, будучи трусами, въ подобныхъ случаяхъ дѣлаются храбрыми по самой своей трусости, но товарищи Добрынскаго не осмѣлились и пошевельнувшись — ихъ оледнилъ одинъ грозный взоръ сослуживцевъ Храброва.

„А! попался, плутяга!“ — сказалъ Храбровъ хладнокровно, не выпуская со спола Добрынскаго руку: „не вершишь пакъ, сдѣтай милость, — не отверпишься. — Полно тебѣ обманывать честныхъ людей; завтра же цѣлый городъ узнаетъ, что ты за птица; не останется ни одного человѣка, кому бы я не рассказалъ о твоихъ подвигахъ. — Не ищи въ головѣ своей ни оправданій, ни опроворокъ — я давно тебя уже на сквозь видѣлъ! Теперь твоя слава и всѣ пруды твои, все твое лицемѣріе на вѣки померяны. — Впрочемъ я человѣкъ добрый — я пожалуй и прощу тебя, но съ маленьkimъ условіемъ — давай договариваться.“

— Пусни же прежде руку мою! — сказалъ трепещущій отъ боли и страха Добрынскій; положеніе, въ которомъ онъ наход-

дился совершенно разстроило личину, подъ копорою онъ скрывалъ испинную свою физиономію: черты, которыя, казалось, разливали по его лицу умиленіе; въ настоящемъ своемъ видѣ являли только бездушность, даже слабоуміе; глубокомысліе обратилось въ коварство; таинственность — въ прусость; вся цѣлостность лица его представляла нѣчто скаредное.

,Изволь! я и на то согласенъ!“ продолжалъ Храбровъ. ,Теперь завяжи себѣ руку плащкомъ и слушай: ты знаешь Графиню Ліодорову — я не влюбленъ въ дочь ея, но ешা дѣвочка мнѣ нравится, да сверхъ этого у ней много приданаго; а я васъ всѣхъ обманывалъ: у меня сполько же богатства, сколько въ тебѣ честности — ты можешь сдѣлать изъ Графини, чѣо хочешь — жени меня на ея дочери!“

Дѣлать было нечего — Добрынскій обѣщалъ все, что было въ его силахъ; помирился съ Храбровымъ, даже подружился съ нимъ и вмѣстѣ принялися за дѣло.

Елладій, котораго Графиня любила, какъ сына — былъ главнѣйшимъ препятствиемъ къ доспіженію ихъ цѣли; на него-то были успремлены сперва всѣ покушенія сихъ витязей.

У Глупосилиной былъ родной братъ, человѣкъ ничтожный и низкій въполномъ смыслѣ сихъ словъ. Въ немъ соединялися необыкновенныя пропиворѣчія: неависимъ къ просвѣщенію обнаруживалася въ каждомъ словѣ его, а между тѣмъ онъ любилъ выдавать себя за любищеля и знашока въ наукахъ и въ изящныхъ искусствахъ. Хотѣлъ быть человѣкомъ хорошаго, знанаго шона; и окружалъ себя людьми подлыми во всѣхъ отношеніяхъ, для того, чтобъ они улыбались, при каждой, имъ сказанной глупости и — его обѣдъ почипали величайшимъ благодѣяніемъ. Любилъ казаться благопорицельнымъ, и братъ по 20 процентовъ съ должниковъ своихъ. Чтилъ древнія обыкновенія, и оставлялъ въ нищетѣ бѣдныхъ родственниковъ своихъ. Сверхъ того Глупосилинъ почипалъ себя великимъ Патріотомъ, попому, что имѣхалъ Русскій шабакъ — и честнымъ человѣкомъ, — ибо ненавидѣлъ картижную игру, хотя не попому, чтобы онъ находилъ въ ней нѣчто дурное, но ошьшого, что былъ однажды жестоко обыгранъ въ своей молодости.

Ешопъ Глупосилинъ весьма почипалъ Добрынского, попому, что посредствомъ се-

отры своей занималъ у него иногда деньги, раздавши свои собственныя за выгодные проценты: — почему Добрынскій и выбралъ его средствомъ для доспіженія своей цѣли.— Сверхъ того Глупосилинъ ненавидѣлъ Елладія по многимъ причинамъ: сей послѣдній не разъ приводилъ Глупосилина въ замѣшательство, когда онъ хотѣлъ величаться своими знаніями; припомъ Елладій имѣлъ порокъ непроспѣшельный въ глазахъ пакихъ людей, каковъ Глупосилинъ — молодость.

Надобно знать, что Добрынскій,— еще прежде сего случая, желая поддѣлаться къ Ліодоровой, — сипарался всячески льстить Елладію и расхваливались его въ глаза съ обыкновеннымъ своимъ пакинственнымъ видомъ; хотя внутренне также ненавидѣлъ Елладія, — ибо сей послѣдній часпо говаривалъ, что благопріятельность въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно разумѣютъ, будучи добродѣтелью чистою, необъемлющею всѣхъ отраслей духа человѣческаго — еще не можеиъ сославшись понятія объ испинно доблестномъ; что одна доброта сердца — безъ просвѣщенаго разума — ничтожна и что такая односторонность въ образованіи не только далеко не достигаетъ всеобщаго совершенствованія, но еще вре-

дитъ оному , ибо служилъ личною и оружиемъ невѣжества и слабоумія.

Теперь Добрынскому надобно было искусно перемѣнить свою роль. Чтобъ вѣрнѣе доспигнуть своей цѣли, онъ придумалъ планъ ужасный, адскій:

Прежде всего, чтобы избѣжалъ всѣхъ подозрѣній , Глупосилинъ ввелъ въ домъ Ліодоровой, Храброва; а Добрынскій показалъ видъ, будто совершенно не знакомъ съ ними.

Въ городѣ было одно бѣдное семѣйство Линскихъ. Оно когда-то было обязано небольшимъ благодѣяніемъ опцу Глупосилина— и просподушные люди сохраняли благодарность даже и къ сыну ; сей же поддерживалъ съ ними знакомство для того, чтобы имѣть случай сказать иногда , какъ несносны они ему своею докучливою приязнительностью.

Елладій у Глупосилина познакомился съ семѣйствомъ Линскихъ , состоявшимъ, изъ вдовы и ея шеснадцати-лѣтней дочери и довольно часто посѣщалъ его: — ихъ домъ , находившійся близко ***выхъ горъ, служилъ ему раздыхомъ , ибо Елладій , имѣя привычку ходить пѣшкомъ много , всегда выбиралъ окрестности горъ сихъ мѣстомъ своихъ прогулокъ.

О сихъ посъщеніяхъ провѣдалъ Добрынскій и онъ послужили ему основаніемъ его хипроспіи:

Добрынскій продолжалъ хвалить Елладія Ліодоровой; но спарался показывать, что похвалы его становятся холодные — онъ зналъ, что ешо не избѣгнешь ошъ проницательного взора Графини.— Сверхъ того спарался чаще будто бы ненарокомъ намекать о насыщливости Елладія, ни хваля, ни порицая ее,—ибо зналъ, что еша черпа въ Елладіевомъ характерѣ не нравился самой Графини, не совершенно постигавшей его, не смотря на умъ свой. Когда же она заговоривала о благородствѣ души Елладія—Добрынскій оправдывалъ опрѣвисшо, сухо и какъ бы не хопя.

Глупосилиной дано было порученіе развозить по цѣлой Москвѣ вѣсь о шайномъ бракѣ Елладія, не говоря однако же, съ кѣмъ, но только не съ Маріею;—ешо было сдѣлано съ пѣмъ намѣреніемъ, чтобы еша вѣсть, какъ бы ненарокомъ и изъ чужихъ рукъ коснулась ушей Ліодоровой. Глупосилина съ великою радостію ваялась за сіе порученіе:—оно доспавляло ей случай удовле-

пворишъ любимой ея склонности — бол-
шовству, а сверхъ того — и опомнишъ
нѣсколько Елладію, копорый быль сполько
невѣжливъ, что не замѣчалъ нѣжныхъ взо-
ровъ, кидаемыхъ ему смиренницею. —
Съ поспѣшностью бросилась она ко
всѣмъ своимъ знакомымъ, помирилась съ
непріятелями, возобновила оспавленныя
знакомства, надѣла пропасть новыхъ,
и все для того, чтобъ имѣть болѣе случая
вездѣ горячиться и называть Елладія не-
благодарнымъ, повъсою, беззаконникомъ — —
къ ней присоединилсѧ цѣлый хоръ Москов-
скихъ спарушекъ, сполько любящихъ иѣ-
шаться не въ свое дѣло — и на другой же
день спали намекань Графинѣ о шайномъ
бракѣ Елладія.

Еши вѣспи нѣсколько огорчили Ліодо-
рову; хотя она и не вѣрила имъ, а все
не могла защищить себя отъ мысли, что
онъ должны же имѣть какое либо основаніе.

Но неприворное удивленіе, съ ко-
торымъ услышалъ Елладій ея о семъ во-
просѣ, совершенно ее успокоило. Сверхъ
того, Ліодорова видѣла все ту же
привязанность Елладія къ Маріи и по-
шому, чтобы однимъ разомъ уничтожить
всѣ шполки, — рѣшилась поспѣшить свадь-

бою. — Желанію ея воспрепятствовала —
нечаянная небольшая болезнь Маріи.

Однажды вечеромъ встрѣтились у Глупосилина Храбровъ съ Добрынскимъ. „Что же братъ?“ — спросилъ онъ: — „всѣмъ хитростямъ нейдуть на ладъ, и мое дѣло отъ нихъ впередъ ни мало не подвигается. Напротивъ того, чрезъ недѣлю назначена свадьба — только не моя, а ешаго негодного фрачника.“

— Что же инъ дѣлать? — сказалъ Добрынскій.

Храбр. Это не мое, а свое дѣло. Ты далъ слово — шакъ держись его, старый проказникъ. Взгляни на свою руку — она еще не зажила, — пускъ хоть она напомнила тебѣ, что я масперъ училъ бездѣльниковъ.

Добрынскій посмотрѣлъ на него изъ подлобья, прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ — казалось, что-то шайное боролось въ душѣ его. — „Такъ и бышъ!“ — сказалъ онъ наконецъ, какъ бы превозмогая себя — „шакъ и бышъ!“

,,Храбровъ! Марія твоя!“ — прибацилъ онъ и вышелъ изъ комнаты съ сумрачнымъ видомъ.

На другой день Ліодорова получила отъ Добрынского письмо, въ которомъ онъ объявлялъ ей, что Елладій — былъ сынъ ея, что онъ принесенъ былъ къ нему человѣкомъ незнакомымъ, спасшимъ его отъ пожара, что онъ видя въ семъ странномъ случаѣ дивное произволеніе Божіе и сверхъ этого удерживаемый непонятною ему силою, не открывалъ сего до тѣхъ поръ, пока не принужденъ былъ къ тому рѣшимостью Графини соединить его бракомъ съ Марией.

Въ слѣдъ за симъ явился самъ Добрынскій — цѣлыхъ два часа плаковалъ онъ съ Графинею въ кабинетѣ — не знаю о чёмъ, но она вышла оттуда совершенно убѣжденной въ истинѣ словъ Добрынского. Такова была власть надъ умами сего человѣка.

Не буду описывать смѣшнія различныхъ чувствованій въ душѣ Елладія, при

сей внезапной перемѣнѣ. — „Не знаю, какъ объяснить вамъ,“ писалъ онъ къ одному своему другу, „что теперь происходилъ во мнѣ. Особенно непонятно мнѣ то чувство, съ которыемъ смопрю я на Марію. Хочу къ ней приблизиться — и боюсь. Хочу говорить — и не знаю какъ назвать ее. — Долго я не могъ постигнуть радостна ли мнѣ или прискорбна совершенная перемѣна отношеній между мною и ею, но вчера она съ обыкновенною своею холдностю сказала мнѣ: „Теперь, когда я пойду замужъ, Елладій, ты будешь моимъ шаферомъ!“ — если слова потрясли всю мою внутренность — они объяснили мнѣ вполнѣ непонятное! — Ты — за мужемъ? — я твоимъ шаферомъ? — вскричалъ я съ горькою улыбкою — и не могъ болѣе ничего вымолвить; — Марія же, казалось, не поняла моего движенія; она ничего не отвѣчала мнѣ и спокойно принялась дорисовывать свою карпину, представляющую богиню спокойствія,“ и проч.

Между тѣмъ другая пучка разразилася надъ Елладіемъ.

Добрынскій еще прежде сего расчипалъ, чшо, не смопря на его открытие, Елладій

по своему характеру все будеъ служить препятствиемъ соединенію Маріи съ Храбровымъ. Для сего-то прежде и изобрѣтена была имъ вѣспль о шайномъ бракѣ Елладія.

Къ тому еще присоединилось другое обстоятельство. Глупосилинъ, имѣя виды особенные, настаивалъ, чтобъ Елладія женилась непремѣнно на Юліи (шакъ называлася дочь Линской).

Снова сестра его отправилась по городу подтверждать вѣспль свою, съ прибавленіемъ, что Елладій женился на Линской. Самъ же Глупосилинъ поѣхалъ къ Ліодоровой — и наученный Добрынскимъ — сперва представилъ ей, какъ его отецъ и онъ самъ принимали всегда участіе въ семѣйствѣ Линскихъ и какую любовь онъ чувствуетъ къ Елладію, — а попомъ принялъ просить Графиню не препятствовать болѣе счастію двухъ сердецъ, другъ друга нѣжно любящихъ и согласиться на бракѣ Елладія съ Юлію.

Ето подтвержденіе прежнихъ городскихъ слуховъ — еще болѣе огорчило Графиню, нежели прежде. Изъ сего мнимаго поступка Елладія, она выводила заключеніе — о скрытности его характера и даже о неблагородствѣ души его. Она вспомнила

холодность Добрынского — когда рѣчь заходила о сей послѣдней чертѣ нрава Елладіева, — и все это вмѣстѣ произвело на нее впечатлѣніе весьма непріятное.

Позвали Елладія. — Узнавши въ чёмъ дѣло, — онъ съ удивленіемъ спросилъ Глупосилина, съ чего взялъ онъ мысль просить о его женихѣ на Линской?

„Ну полно, брашь!“ — сказалъ Глупосилинъ трепля его по плечу, потряхиваясь и подло посмѣшиваясь: „полно скрываться — все знаемъ. Вѣдь не каждый ли день ты бываешь у Линской?“ — Елладій поблѣдѣлъ отъ негодованія, дрожь проняла всѣ члены его, онъ бы разразилъ на мѣстѣ бездѣльника, еслибы не удержали его отъ много присуществіе и даже слова матери.

— Я не обязанъ вамъ отдавать отчета въ своихъ поступкахъ, — вскричалъ онъ глухимъ голосомъ — и васъ прошу, даже приказываю вамъ не заботиться о дѣлахъ моихъ! — Глупосилинъ спряталъ и принялъ извиняться, увѣрять Елладія, что только думая угодить, — по ошибкѣ — приѣзжалъ хлопотать о его свадѣбѣ.

Глупосилинъ, увѣдомивъ Добрынского о худомъ успѣхѣ своего предпріяженія, сказалъ,

что надобно предпринять что нибудь рѣшительное и принудилъ Елладія женииться.

Тщетно оправдывалъ его отъ этого Добрынскій, гораздо лучше его понимая людей и зная въ особенностяхъ характеръ нашего молодаго человѣка :

,Вы уже испытали каковъ Елладій!“ говорилъ Добрынскій. „Надобно выбрать другую спорону : пускай больше утверждися въ городѣ слухъ о его связи съ Юліею, пусть онъ увѣрился, что ешо слухъ вредитъ ея добруму имени; онъ твердо увѣренъ, что ешо единственное сокровище у бѣдной девушки и — я знаю Елладія — онъ женился на ней для того шолько , чтобы спасти ея доброе имя.“

— Чего щутъ ждать ? — прервалъ съ сердцемъ Глупосилинъ, — она чрезъ недѣлю произведеть на свѣтъ маленькаго Глупосилина, — тогда уже поздно будешь, а свалишь ей бѣду больше не на кого. Нѣтъ! по моему лучше : пугнемъ хорошенько цѣлою гурьбою! — Молодой человѣкъ! спросишь! —

Храбровъ присталъ къ мнѣнию Глупосилина и Добрынскій долженъ былъ успушить большинству голосовъ.

Въ шопть же день обдумали планъ апаки и собрали для того множество участни-

ковъ. Прискорбно подумашь, что такъ много нашлося людей, способныхъ на низкій поступокъ — но что дѣлать? ешо испытина. — Одни хотѣли угодить Глупосилину, какъ человѣку, у котораго можно хорошо обѣдать; другимъ Елладій помышдалъ возвыситься во мнѣніи людей — обличеніемъ ихъ, невѣжества; претыхъ коснулась его честно язвительная насмѣшка; четвертые наконецъ не любили Елладія по той только причинѣ, по которой всѣ глупцы имѣютъ оправданіе отъ умныхъ: — даже одинъ старый слуга, въ домѣ Графини, готовъ былъ присягнуть во лжи! — ешопъ не любилъ Елладія только за то, что все почипали его самозванцемъ, не отъ Графской крови, все видѣль въ немъ пріемыша.

На другой день въ домѣ Графини явилась Линская, съ распущенными волосами въ изорванномъ плащи и съ рыданіями бросилась къ ней въ ноги, — обвиняя Елладія въ обезчещеніи ея дочери.

Еша низкая женщина не постыдилась оклеветать Елладія. Причиною сего поступка была врожденная подлость: она

была напугана Глупосиленымъ, который ви-
спѣ умѣль и прельстить ее пѣмъ, чѣо дочь
ея будеТЬ Графинею. При сей одной мы-
сли — попухли въ Линской малѣйшія искры
благородства.

Въ слѣдъ за Линской явился Глупосиленъ
съ свидѣтелями; — принявъ на себя роль
раздраженнаго заспунника невинности, онъ
укорялъ Елладія въ презрѣніи всѣхъ зако-
новъ Божескихъ и человѣческихъ, и съ ве-
личайшимъ жаромъ, почти съ слезами на
глазахъ проповѣдавъ о злополучіи бѣдной
Юліи и о томъ, чѣо ѡдною женишьбою онъ
едва можетъ омыть свой черный поступокъ.

Добрынскій, сначала было принялъ за-
щищать Елладія, разумѣется такъ, что еша
защита была хуже обвиненія, — но наконецъ
оборопился на него съ упреками. Съ какимъ
пламенемъ восклицалъ онъ, чѣо страшный
грѣхъ налегъ на душу Елладія и на душу
соблазненной имъ!

Все говорило противъ Елладія: одни уп-
верждали, чѣо слышали его клятвенные
обѣщанія Юліи — женишься на ней; дру-
гие — какъ онъ просилъ до времени не объ-
являть о семъ Графинѣ; старый слуга при-
знавался съ прізворнымъ раскаяніемъ, чѣо
не разъ былъ посланъ молодымъ Графомъ
Миѳозина. Частъ II. 9

для подкупленія горничныхъ Юліи; — Линская была почти въ безпамятствѣ.

Всего ешаго недосплючно было бы для удостовѣренія Ліодоровой — столь великую довѣренностъ писала она къ Елладію; но такова женщина! — созданіе прелестное, но слабое! за чѣмъ ты не можешьъ существовать независимо? — за чѣмъ съ легкомысліемъ ввѣряешься одному своему воображенію? — Кто ни овладѣешьъ сею отраслью души твоей — и уже ты вся въ его власти.

Такова женщина! — Повторяю я: — едва произнесъ Добрынскій два слова пропливъ Елладія, какъ и перемѣнился образъ мыслей Ліодоровой. — Всѣ слухи, касательно Елладія, показались ей доспovѣрными; Глупосилниъ — несправедливо имъ оскорблениныъ, а самъ Елладій человѣкомъ хищныъ, безчестныъ. — Она дала слово Линской заспавить сына своего непремѣнно женившись на Юліи, но чтобы не произвести новаго шума, просила всѣхъ къ ней чрезъ нѣсколько дней прѣѣхать и дать ей время переговорить на единъ съ Елладіемъ.

Бѣдной Елладій, ничего не зная о происходящемъ, сидѣлъ логда въ комнатахъ Ма-

ріи, которой болѣзнь, прекратившись только на малое время, возобновилася съ болѣшею силою, и въ коей замѣчали припадки, означавшие, что отецъ Маріи вмѣстѣ съ кровію передалъ ей и свои болѣзни.

Сухо встрѣтила Графиня своего сына. Нѣсколько времени хопѣла она сохраниль холодную наружность, но наконецъ хладнокровіе ее оспавило и она съ жаромъ высказала Елладію все то, что было у ней на сердцѣ: пищепно хопѣль бѣдный юноша оправдалъся! чѣмъ болѣе онъ оправдывался—тѣмъ болѣе казался ненавистнымъ въ глазахъ Ліодоровой; — особенно поражало ее отвращеніе его отъ женихъбы съ Юліею, — Юліею, имъ обезчещеною. То укоризны сыпалися за укоризнами, то съ слезами на глазахъ, мать умоляла Елладія раскаяніемъ и послушаніемъ загладить свой проспупокъ: то и другое поперемѣнно раздирило душу Елладія; но онъ, чпя истину выше всѣхъ благъ и бѣдствій подлунныхъ, къ тому же раздраженный насилиемъ и сверхъ того руководимый какимъ-то тайнымъ чувствомъ, глубоко заронившемъ въ душу его, — чувствомъ, кошлага начало онъ боялся объяснить себѣ, Елладій оспавился непреклоннымъ. Цѣлый день продол-

жалася сія битва ; уже къ вечеру , Графиня , оскорблена я Елладіевомъ упрямствомъ—грозно приказала ему оспавить ее въ покоѣ ; уже онъ стремился къ виновникамъ въроломнаго поступка , чтобы омыть въ крови ихъ свое злополучіе,—какъ вдругъ необыкновенно увеличавшаяся болѣзнь Маріи остановила его ; цѣлую ночь и слѣдующій день она провела въ спрадаміяхъ , а на третій къ упру спали даже опчаявшись въ ея жизни .

Обѣ ночи Елладій и машь его , не смыкали глазъ.—Безмолвно злополучный юноша сидѣлъ у изголовья Маріиной постели , дико устремивъ взоры на блѣдное лицо ея , не принимал ни пищи , ни питья ; каждый вздохъ ея , каждое движеніе , отзывались въ душѣ его и производили дрожь во всемъ тѣлѣ .

Утро разрѣшило спрашную загадку : Добрынскій , — сіе чудовищное явленіе въ нравственному міру пріяль на конецъ мзду свою ! Разбитый испуганными лошадьми , онъ получилъ смертельную рану и находясь на смертномъ одрѣ открыль шайну свою , шайну ужасную : онъ открылъ , что Елладій былъ сынъ его — плодъ любви беззаконной ; что тер-

заемый корыстолюбіемъ, боялъ улики своему ложному смиренію, онъ не признавалъ его; — наконецъ, что и Юлія была также его дочерью — и злодѣй не спрашивалъ — — „Прощеніе! прощеніе!“ завопилъ онъ предъ послѣднимъ издыханіемъ, судорожно изгинаясь, и съ кровью изрыгнуль свою нечистую душу.

Пораженные кончиною Добрынского, соучастники его злодѣяній поспѣшили къ Ліодоровой, съ препечтомъ испрашивая у ней прощенія и раскаиваясь во всѣхъ своихъ поступкахъ.

Но поздно, поздно вѣспѣ сія доспигла до дома Графинина!

Коварство людей, — гиѣвъ, почти прохляпіе той, копорую Елладій почипаль своею маперью, — мучительная болѣзнь Маріи — все ешо вмѣстѣ сильно подѣйствовало на слабыя его отъ Природы нервы; къ тому же вмикая въ самаго себя, въ неимовѣрное почти согласіе людей вредить ему, онъ въ самомъ себѣ, въ своемъ самолюбіи, въ своей насмѣшливости — находилъ причины людской къ себѣ ненависти. — Ешо мысль приводила его въ отчаяніе — и наконецъ повергла въ сумасшествіе.

Такъ погибуль сей юноша,—которымъ бы нѣкогда гордилось Отечество!

Еще не давно я видѣлъ Елладія: уже давно попухъ огонь въ пламенныхъ очахъ его; — глубокая, шихая скорбь разливалася по лицу его; блѣдный, съ ввалившемися щеками, съ всклокоченою головою, сидѣлъ онъ, приклонивъ голову на грудь свою; ему до сихъ поръ все чудилися одръ смертный Маріи; часто изъ списнущихъ успѣ вылѣшаешь вздохъ — или тихо, раздирающимъ душу голосомъ, онъ повторяешь: я невиненъ!

Картина моя дорисована (*): какой будешь удѣлъ ея? — Философъ не удоспѣшилъ ее своего возврѣнія, — она и не заслуживаетъ взора Любомудра возвышенаго! — Люди свѣтскіе взглянутъ, найдутъ можетъ быть нѣкоторыя черты на себя похожими и отвернутся опять живописца,

(*) Для любопытныхъ прибавляю: Марія выздоровѣла — и вышла замужъ. Ліодорова же не осипавшее злополучнаго Елладія.

смѣющаго бытъ не подобоспрастныиъ! —
Юныя прелестницы не подарятъ меня
улыбкою — я часто оскорблялъ ихъ при-
хопливое самолюбіе!

Одеск.

XIII.

**ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЕМЫ: ИС-
КУССТВО ЛЮБИТЬ.**

(Окончаніе).

Алина! безъ тебя задумчивый, унылый,
 Хотя брошу съ тоской,—но призракъ сердцу милый,
 Твой образъ носится повсюду надо мной;
 Мечтаешься ты мнѣ—подъ пѣникою древъ густой—
 Въ малайшемъ шорохѣ—листочка въ препетаныи
 Я слышу голосъ твой! — Въ серебряномъ сіяныи
 Луны сквозь облака мерцающихъ лучей,
 Зрю томный, крошкій блескъ задумчивыхъ очей;
 Тебя вообразивъ, я спранъ нездѣшнихъ житель!
 И ты, въ разлуки часъ, мой геній утѣшитель!
 Въ воспоргѣ позабылъ, что милой нѣть со мной:
 Любовь и среди муکъ, есть даръ Судьбы благой!....
 Она — путь жизни сей цвѣтами успилаешь,
 Отъ сердца гонишъ грусть и душу оживляешь!
 Повѣрьпе: безъ нее блаженства въ мірѣ нѣть;
 Лишь ею держится и дышелъ цѣлый свѣтъ.
 Напрасно говорятъ вамъ, девушки прекрасны:
 „Спрашивалася любви!—Всѣ клятвы сладострастны
 „Въ устахъ любовника не значутъ ничего!
 „Сего дня взоръ одинъ блаженство для него,
 „Сего дня подлѣ васъ онъ міръ позабываетъ,

„А завтра, мошлекъ, опъ розы отлещаешь
„Пиши сладость жизни всей на пышный анемонъ!“
Напрасно мудрецы шокаютъ: въриость—сонъ!
И сердце девушки опъ счастья удаляютъ,
Измѣною въ любви, въ шеспѣ, щашь лѣпъ лугають.
Не върыше! — и когда Киприды сына власть
Заспавишъ юношу у ногъ излишь вамъ спрасть,
Коль сердце бѣшся васъ — душой его любише
И бога всѣхъ утѣхъ упрямствомъ не гнѣвите:
Все создано любить! шакъ—киньте взоръ вокругъ:
Вамъ скажутъ шоже боръ, ручей, пригорки, лугъ;
Вамъ шоже подтвердишъ и причекъ спрасши

Съ любовью на куспахъ вспрѣчая блескъ Авроры.
Но скажете вы мнѣ: „Богъ времени сѣдой
Не рѣдко увлекалъ Амура за собой;
На помошь старику всегда какъ пушъ разлука;
Забытой милымъ бытъ ужаснѣйшая мука!“
Позвольте въ сихъ спихахъ вамъ испину открыть:
Тотъ прямо не любилъ, кто можетъ измѣнить!
Не думайте чтобъ спрасить была томъ огнь
мгновенный,

Близъ вѣсъ красавицы невольно въ насъ возженихъ,
Когда, плененные улыбкою одной,
Иль взоромъ огненнымъ, любезноспью другой,
Обоихъ хвалимъ мы; — такъ — бабочка златая
Льнепъ къ каждому цвѣтику, надъ ними вкругъ
порхая;

Пока не оплелишь — равно въ миры ей.
Нышь, нышь! обвороженъ Алиною моей,

Любовью я зоду, — то сердца упоенье,
Тотъ сладоспинъ восшоргъ—себя всего забвенье,
Когда, въ одной изъ васъ, зря блага жизни сей,
Мы мыслимъ, чувствуемъ и дышемъ лишь для ней!
Такъ! вѣрьше лиръ помъ! — Всесильно Про-

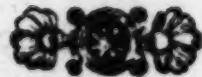
Когда создало міръ, и въ ономъ все творенье,
Съ начала человѣкъ два сердца получилъ;
Но вскорѣ самъ Творецъ сердца тѣ раздѣлилъ;
Когда увидѣлъ онъ, что перспѣ имъ оживленія,
Сама собой никакъ не можешь быть блаженна.
Богъ женщину создалъ, — красу природы всей:
Одно, изъ нашихъ двухъ, забилось сердце въ ней;
Другое жь въ насъ съ шѣхъ поръ, къ нему спре-
мисься сшало,

Чтобъ съединиться вновь—и вонъ любви начало!
Могу ли чѣмъ еще ясище доказать,
Что должно спросить сю высокой почиташь?—
Любовь наукамъ машь! — Ея волшебна сила
Желанье нравишься межъ смертныхъ поселила;
Искусства родились—чудесъ спалъ полонъ свѣтъ!
Близъ милой въ первый разъ себя позналъ Поепъ:
Не въ силахъ все сказать, Амуромъ вдохновенный,
Онъ мыслью вдругъ поспигъ языкъ Боговъ свя-
щенный;

Въ восторгъ лиру взялъ.... Мелодіей своей,
Плѣнилъ милой умъ, плѣнилъ и сердце въ ней;
Пѣль радостно — она веселье ощущала....
Пѣль счастіе любви — красавица вздыхала
И взоръ попутя свой, когда скончалъ пѣвецъ,

Краси́лся, люблю! сказала наконецъ.
Алина, другъ души тобой пъненной, спрастной,
Уже ли богъ любви,—богъ милый и прекрасный,
Нигдѣ еще тебѣ одну не заспавалъ,
И сердце никакой мечтой не обольщалъ?
Въ шестнадцать лѣтъ, собой украсивши природу,
Тебѣ ли счастьемъ звать обманчиву свободу?....
Нѣшъ счастья безъ любви!—Для хладного душой,
Казапсья долженъ міръ могилою пустой!....
И чѣмъ тебѣ любовь Алина испугала?....
Оковы лишь изъ розъ она всегда сплешала;
Не пляжко — сладоспно, вѣрь, цѣль ея носить;
Неволя съ ней милый свободы можешь быти!

Вас. Головинъ.

XIV.

ОДИНОЧЕСТВО.

(Изъ Ламартина).

Какъ часіо на горѣ, подъ сѣнью дубовъ,
Сижу задумчивый и грустью омраченной;
И взоръ блуждаешь мой по зелени луговъ,
Вечернимъ солнцемъ озареной.

* * *

Здѣсь быстрая рѣка волнуешься, шумиши
И въеши въ синевѣ за мрачными лѣсами;
Тамъ озеро въ дали, какъ зеркало споишь
И Весперъ блещетъ въ немъ лучами!

* * *

Уже мерцающей зари послѣдній свѣтъ
Верьхи пуманныхъ горъ уныло озаряешьъ,
И блѣдный ликъ луны задумчиво вспаешьъ
И холмы дальны осребряешьъ.

* * *

Межъ тѣмъ, исторгшия изъ башни вѣковой,
Священный, тихій звукъ въ долинѣ отозвался:
Прохожій слушаетъ, склонясь на посохъ свой; —
И день съ заботой миновался.

* * *

Но, ахъ! въ душѣ мої уже воспоговъ вѣтъ:
 Все меркло для нее, всѣ прелести увили!
 Какъ безпріютна пѣнь, взираю я на свѣтъ,
 Я — жертва рока и печали!

* * *

Вотще съ холма на холмъ я взоръ бросаю свой,
 И въ мысляхъ горестныхъ всѣ виды облекаю;
 Вотще прелестный міръ открыты передо мной;
 Нигдѣ отрады не всipрѣчаю!

* * *

Къ чему сіи луга, черноги, хижинъ кровъ?
 Ихъ прелесть для меня на вѣки улепѣла!
 Къ чему сіи скалы, долины, сѣнь лѣсовъ? —
 Земля безъ друга опустѣла!

* * *

Туманы ль въ небесахъ, иль ясный день
 блеститъ; —
 Отъ дней я ничего себѣ не ожидаю!
 Вспаешъ ли царь свѣтиль, иль къ западу спѣшишъ;
 Увы! его не примѣчаю!

* * *

Все, все отверженныи предстало бѣ предо
 мной,
 Хотя бы въ слѣдъ за нимъ повсюду я спремился:
 Желанья умерли, любимыя душой! —
 Весь міръ въ пустыню превратился!

* * *

Почто жь я не могу, оставя дольный прахъ,
 О милая души! тамъ вспрѣтишься съ тобою?
 Почто еще мой духъ живетъ въ земныхъ цѣпяхъ?
 Уже весь свѣтъ оставленъ мною!

* * *

Когда листъ падаешъ, поблекшій отъ вѣтвей,
 Вечерній вѣтръ вспаешъ и мчишъ его съ долины!
 И я, и я какъ листъ!.... Умчи жь меня скорѣй,
 О часъ желанныя кончины!

Волковъ.

емъ
мо
гутъ
чии
вост
кра
бол

пр
ми
объ
Ша
ко
наго
пер
ио
Гул
всп

Апр
день
вил

XV.

ЗЕМЛЯ БЕЗГЛАВЦЕВЪ.

Ты знаешь, любезный другъ, что я на свое вѣку довольно пушеспивовалъ: часть моихъ спранствованій тебѣ извѣстна; другую я отлагалъ сообщить тебѣ, опасаясь, что даже ты, увѣренный въ моей правдивости, сочешь ее, если и не ложью, по крайней мѣрѣ произведеніемъ разстроеннаго, больнаго воображенія.

Но недавно возвратился въ Москву мой пріятель — Лейтенантъ М ... онъ столько мнѣ рассказывалъ чудеснаго объ Сибири, объ мамонтовыхъ рогахъ и костяхъ, объ Шаманахъ и Сѣверномъ сіяніи, что нѣсколько ободрилъ меня на счетъ моего собственнаго пушеспивія. Къ тому жь на дняхъ я перечелъ всему свѣту извѣстныя, дивныя, но справедливыя похожденія Англичанина Гулливера. Уже ли въ моемъ повѣстнованіи встрѣтишь болѣе невѣроятностей?

Въ мою бытность въ Парижъ однажды Апрѣля...агодня 1821, въ прекрасный, весенний день изъ улицы Св. Анны, гдѣ жилъ, отправился я на гулянья. Тогда праздновали кре-

спины Дюка Бордосского. Въ числѣ запѣйниковъ, пѣшившихъ зѣвакъ полей Элісейскихъ, нашелся воздухоплаватель, преемникъ Монгольфьера. Я набрель на толпу, окружавшую его. Онъ готовился подняться и вызывалъ кого нибудь изъ предстоящихъ себѣ въ сопутники. Друзья мои — Парижане не прусы, но на сей разъ, что-то колебались. Подхожу, спрашиваю о чёмъ дѣло и предлагаю смѣльчаку свое поварищество. Мы сѣли, взвились и въ два мига огромный Парижъ показался намъ муравейникомъ. Какъ описать чувство гордости, радости, жизни, которое тогда пролилось въ меня! исчезло для меня всенизменное; я воображалъ себя духомъ безплотнымъ. Казалось для меня осуществились мечты одного изъ Пиѳагоровыхъ послѣдователей: „по смерти буду бурею, съ конца земли пронесусь въ конецъ земли; „душа моя обрѣтѣ языкъ въ завывающихъ, „найдѣпъ пѣло въ океанахъ воздуха! или „нѣпъ, буду звѣздою вовѣкъ восходящею: „ни время, ни пространство не удержитъ „меня; воспарю и не будеъ предѣловъ моему паренію!“

Усилия моего вожатаго спустить членокъ прервали мои сладостныя думы и видѣнія: газъ, исполнившій шаръ, былъ необы-

кновенно тонокъ и легокъ; мы поднялись на высоту необычайную, на мъдышать стало прудно: вдругъ обморокъ обуялъ обоихъ насъ. Когда очнулся, я увидѣлъ спрану мнъ во все неизвѣстную: по горло въ пуху лежалъ я, возлъ Француза, не пришедшаго еще въ чувство; челнокъ нашъ чосился надъ нами, игралище въ провѣ. Мало по малу мы вспрепенулись, и стали спрашивать другъ у друга, гдъ мы? „Ma foi, je ne le sais pas!“ вскрикнулъ наконецъ мой вожакъ. Мы находились уже не на землѣ; перелетевъ въ безпамятствъ за предѣлы, гдѣ еще дѣйствуешь ея притяженіе, мы занеслись въ лунный воздухъ, потеряли равновѣсіе и наконецъ выпали въ пухъ мѣсячный, который, будучи не въ примѣръ гуще и мягче нашей травы, не даль намъ разбиться въ дребезги.

Съ товарищемъ другаго племени, быть можешъ, я бы впалъ въ крайнее малодушіе; но Французъ никогда не унываешь. „Courage, courage, Monsieur!“ повторилъ онъ нѣсколько разъ. Я вспомнилъ наше родимое небось, поручилъ себя Богу и отправился съ своимъ сопутникомъ искать похожденій и счастія!

Вскорѣ прибыли мы въ довольно большоій городъ, обсаженный пашкеповыми и пряничными деревьями. Мы узнали, чѣмъ Акардіонъ, столица многочисленнаго народа Безглавцевъ. Онъ весь былъ выстроенъ изъ, скопаемаго леденца; его обмывала рѣка Лимонадъ, изливающаѧся въ Щербетное озеро.

Ни слова, любезный другъ, о проиавленіяхъ сей страны: опѣ частни достопримѣчательности оной изгладились изъ моей памяти, опѣ частни споль чудесны, чѣмъ покажутся тебѣ неправдоподобными. — Вспомни однако же, чѣмъ луна не есть нашъ міръ подлунный.

Войдя въ городъ, Французъ остановилъ обывателя и попросилъ, наимъ указать гостиницу.—Къ моему удивленію Безглавецъ его очень хорошо понялъ и вступилъ съ нами въ разговоръ. Товарищъ мой клялся, что слышитъ самое чистое Парижское наречіе; мнѣ показалось, чѣмъ Безглавецъ говорить по Русски. Мы отпобѣдали, сняли со спола, слуги вышли и я спросилъ своего спутника: „Какъ и чѣмъ мы расплатимся?“ *Il faut voir!* отвѣталъ, безпечный клевретъ похожденій моихъ. — Входишь мальчикъ и на вопросъ мой отвѣчаетъ: „пятьдесятъ

палочныхъ ударовъ и четыре пощечины, которые принять отъ васъ немедленно явился самъ хозяинъ. — Надѣюсь, что и меня, сударь, вы потрудились надѣлить пинкомъ или оплеухою!“ — Мы расплатились. „Скажи!“ — спросилъ я потомъ у содержателя госпинницы, — „какимъ образомъ въ вашемъ городѣ вы всѣ знаете языки нашихъ отечествъ?“ — „Не мудрено, Милостивый Государь,“ — отвѣчалъ онъ мнѣ: „Акефалія граничитъ съ Бумажнымъ Царствомъ, съ областями человѣческихъ познаній, заблужденій, мечтаний, изобрѣтеній! — Мы отдалены отъ нихъ только чернильною рѣкою и стѣною картоною!“ По сему извѣстію я топтась рѣшился туда отправиться, ибо Акефалія и въ особенности столица Акардіонъ спали мнѣ уже съ первого взгляда ненавистными. — Разсуди самъ, другъ мой: не правъ ли я?

Большая часть жителей сей страны безъ головъ: болѣе половины безъ сердца. — Зажиточные родители къ новородившимся младенцамъ приспавляютъ наемниковъ, которые до двадцати лѣтняго ихъ возраста подпиливаютъ имъ шею и спаиваютъ выправить сердце: они въ Акефаліи называются воспитателями. Рѣдкая выя мо-

жепъ успоять пропивъ ихъ усилій; рѣдкое сердце вооружено на нихъ довольно крѣпкою грудію.

Я вспомнилъ о своемъ отечествѣ и съ гордостью поднялся на цыпочки, думая о преимуществѣ нашего Русскаго воспитанія передъ Акефалійскимъ: мы ввѣряемъ своихъ дѣтей благочестивымъ, умнымъ иностранцамъ, которые, хотя ни малѣйшаго не имѣюшъ понятія ни объ нашемъ языкѣ, ни объ нашей Святой вѣрѣ, ни о прародительскихъ обычаяхъ земли нашей, но всячески силятся вселить въ нашихъ юношей привязанность ко всему Русскому.

Одной черни въ Акефаліи позволено ехранять сердце и голову, совершенно излишнія по ихъ мнѣнію части тѣла человѣческаго: — но и самые простолюдимы силятся сбыть ихъ съ рукъ и по большой части успѣваюшъ въ своихъ покушеніяхъ.

Естествоиспытатель безъ сомнѣнія изъ примѣра Акефалійцевъ спалъ бы выводить весьма глубокомысленные опроверженія предразсудка, что для существованія необходимы голова и сердце: я человѣкъ племный и не въ состояніи вдаваться въ слишкомъ опвлеченныя умозрѣнія. Раз-

сказываю только, что видѣлъ. Одно меня поразило: съ поперею головы сей народъ спанившиесь весьма остроумнымъ и краснорѣчивымъ; Акафалійцы не только не теряютъ голоса, но, будучи всѣ чревовѣщателями, приобрѣтаютъ напротивъ необыкновенную быстропрѣмѣнность въ разговорахъ; одно слово перегоняетъ у наспоящихъ Безглавцевъ другое; Каламбуры, Епиграммы, нѣжносги въ запуски бѣгутъ и подобно шумному, неизсихающему водопаду извергаются и попрясаютъ воздухъ. — „Посему,“ скажешь ты — „ихъ Словесность безъ сомнѣнія находится въ цвѣтующемъ состояніи!“ — Не ошибешься. Хотя я въ Акардіонѣ и не долго пробылъ, однако могъ замѣтить, что у нихъ довольно много Политическихъ и ученыхъ Вѣдомостей, Вѣспниковъ, модныхъ Журналовъ: племя Акардійскихъ Греевъ и Тибулловъ особенно велико; они сославляютъ особенный легіонъ. — Между тѣмъ Елегіи одного нѣсколько трудно отличить отъ Елегій другаго: они всѣ твердятъ одно и тоже; всѣ грустятъ и плакаютъ о томъ, что дважды два—пять. — Esta мысль конечно чрезвычайно нова и поразительна; но подъ ихъ первомъ уже нѣсколько обвѣщала,

по крайней мѣрѣ такъ увѣрялъ меня одинъ изъ знаковъ ихъ Поззи.

Какъ испинный сынъ Отечества, я порадовался, что наши Русскіе Поззы выбрали предметъ, который не въ примѣръ богаче: съ семнадцати лѣтъ у насъ начинавшъ разсказывать про свою опицѣвшую молодость; наши Стихотворенія не обременены ни мыслями, ни чувствами, ни картинаами; между тѣмъ заключаютъ въ себѣ какую-то неизъяснимую прелестъ, не понятную ни для читателей, ни для сочинителей; но всякий не Славянофілъ, всякий человѣкъ со вкусомъ восхищающийся ими.

Избавившись отъ головъ и сердецъ, Акс-फаліцы получають ненасытную страсть къ палочнымъ ударамъ, которые составляютъ ихъ текущую монету; сею жаждо мучатся почти всѣ: старцы и юноши, мужчины и женщины, рабы и вельможи. — Впрочемъ, — что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай; но безглавцы омерзѣли мнѣ по своему нелѣпому притворству: они безпрестанно твердлить о головахъ, которыхъ не имѣютъ, о добротѣ своихъ сердецъ, которыми гнушаются. —

Получающіе самые жестокіе побои, ищущіе ихъ вездѣ, гдѣ только могутъ, утверждающъ, что ихъ ненавидятъ.

Я оставилъ своего товарища въ Акардіонѣ и на другой день рано по упру отправился къ предѣламъ Бумажнаго Царства.

B. Кюхельбекеръ.

(Продолженіе когда нибудь).

«—»

XVI.

Е Р О Т Ы.

римитиви

Еромы между розъ и лицій,
Играли, рѣзвились, шалили.
„Что, братцы, не пора ли намъ?“
Сказалъ одинъ — „къ другимъ цвѣтамъ?“
— Куда?—„Куда! ну, всѣ за мною!“
Сказалъ Еромъ Еромовъ рою.

Малютки въ легкій хоръ свились
И прѣмь къ Лилѣ понеслись.
Тутъ всякой прятался, пѣснился:
Томъ къ шеѣ млечной пріютился,
То плъ на малиновыхъ губахъ,
А то плъ на розовыхъ щекахъ.
Иной качался на рѣсицѣ,
Другой игралъ златой косицей!

Одинъ нарочно выжидаль....
„Усѣлись! дай же,“— онъ шепталъ,
„Я пріютиюсь къ живой лилеѣ,
О! шамъ мнѣ будетъ веселье!“
И опускаясь на бѣлу грудь,
Не смѣлъ опѣ радости дохнуть.

Р а и тъ.

(*) С
и
сп

XVII.

НОВАЯ НИНА (*).

Тоска души осиротѣлой
 Мое все благо на земли:
 Веселье Нины оплѣтѣло,
 И розы счастья отцѣвили.

* * *

Съ слѣзами я зарю вспрѣчаю,
 Въ томленьи провожу весь день,
 И сна оправданаго не знаю,
 Когда падетъ ночная тѣнь.

* * *

Все жду его — и жду напрасно!
 Къ нему призванья не дойдуть;
 Онъ палъ, онъ въ битвѣ палъ ужасной....
 Умершіе не возстаютъ!

* * *

Ахъ! для чего объяпья славы
 Моей любви ты предпочелъ?
 За чѣмъ, о Викторъ, въ бой кровавый
 Одинъ безъ милой полетѣлъ?

(*) Содержаніе сей пѣсни заимствовано изъ одного происшествія, случившагося въ отечественную войну 1812 года.

Тамъ вмѣстѣ бы насть смерть сразила,
 Сплетя вѣнецъ супружній насть, —
 И съ другомъ мрачная могила
 Былабъ для Нины свѣтлый храмъ.

* * *

Теперь оставлена въ спрадань;
 Скипаюсь въ мірѣ сиротой;
 Одна всѣмъ рѣчь, одно спенанье:
 Гдѣ Викторъ мой? гдѣ Викторъ мой?....

* * *

И голосъ скорби ужъ слабѣетъ,
 Краса увяла юныхъ лѣтъ,
 Разсудокъ гаснѣетъ, взоръ темнѣетъ —
 Ни мыслей, ни желаній нѣтъ!

* * *

Но близокъ часъ! тоска губитель
 Разшоргнѣетъ цѣль печальныхъ дній:
 Прими меня въ свою обиталь,
 Прими, о Викторъ мой, скорѣй!

C. H.

ХVIII.

Р В У.

Люби и пой, товарищъ мой,
 Богатой юности былое,
 На полѣ честни славный бой,
 Любви побѣды надъ собой
 И все для сердца дорогое.
 Ты помнишь первый нашъ бивакъ
 Подъ свѣтлымъ заревомъ, въ дубравѣ,
 И къ первой битвѣ данный знакъ,
 И мысль неопытныхъ о славѣ!
 И жизнь, въ обманчивой красѣ,
 Ея мишуриныя игрушки,
 Минуты радостныя всѣ
 И образъ миленькой пастушки;
 Ты помнишь мѣсто въ первый разъ,
 Куда волшебница явилась,
 И гдѣ душа воспламенилась
 Огнемъ ея прелестныхъ глазъ.

• Пусть измѣнитъ любовь и время,
 И умъ и память оплещутъ:
 Влача безжизненности бремя,
 Ты будешь все еще богатъ . . .

Онъ пойдущъ съ тобой до гроба —
Твои прекрасныя мечты,
И мы умроще вмѣстѣ оба —
Вспоминанія и —шы!

Кончина.

СТАТЬИ ОСОБЕННЫЯ

Qui palpitaient de l'intérêt du moment, какихъ
неотступно требовалъ отъ Издателей Ми-
мозины Рецензентъ оной Г. В. (См. № XIV
Новостей Литературы и II-й части Мнем.
стр. 165).

От
бора
ни

XV в
вой
Не с
сочи
несп
лити
(пре
прия
чали

суди
къ и

ромъ

(*) Сл

XIX.

Отвѣтъ Господину С...., на его Разборъ I части Мнемозины, помѣщенный въ XV No Сына Отечества.

Не знаю, къмъ писанъ помѣщенный въ XV номеръ Сына Отечества Разборъ первой части, издаваемой нами Мнемозины. — Не смотря на то, что иѣкоторыя мнѣнія сочинителя сей статьи, какъ мнѣ кажется, несправедливы,— я не подозрѣваю его ни въ личномъ, ни вѣстномъ пристрастіи (*) (предубѣжденіи?) и потому-то считаю приятною для себя обязанностію отвѣтить ему.

Начну съ признанія. — Строго Г. С.... судитъ о наружномъ видѣ Мнемозины; но къ несчастію — — —

On fait ce qu'on peut,
Et ne pas ce qu'on veut !

Въ слѣдъ за симъ грознымъ приготовомъ, сказавъ о Старикахъ Острова Пан-

(*) Слова Г. С....

хай Кн. Одоевского, что мысль, служащая основаниемъ сей спатьи весьма остроумна; что въ ней есть счастливыя выраженія и вѣрныхъ замѣчаній, Г. Рецензентъ спрашивается:

,Когда же складны сны бывають?“

Такимъ вопросомъ, по моему мнѣнію, не должно бы оканчиваться сужденіе о спатѣ, достописце коей признается самъ Г. Рецензентъ.

Далѣе: разбирая мое описание Дрезденской Галлереи, онъ предполагаетъ, что художникъ можетъ изобразить: идеалъ безобразія. Что такое идеалъ безобразія? Не тоже ли равно, что *свѣтлая темнота* или *знойный морозъ*?

Г. Рецензентъ находитъ слишкомъ рѣшильнымъ мой приговоръ, что Рубенсъ лишенъ всякой прелести. — Уверенъ, что въ моемъ обозрѣніи Дрезденской Галлереи много ошибочнаго, много незрѣлаго, уверенъ, что теперь на картины, составляющія сіе собраніе, я самъ смотрѣлъ бы совершенно другими глазами; — ограждалъ же я свою спатью именно для того, чтобы она встрѣтила пресвѣщеныхъ, умныхъ прошниковъ и чтобы тѣмъ обратила вниманіе нашихъ Литтераторовъ и путеше-

спицениковъ на ееорію Изящныхъ Ис-
кусствъ вообще и живописи въ особенно-
сти. — Но дабы убѣдить меня въ томъ,
что и Рубенсъ можетъ быть прелестныиѣ,
Господину Рецензенту, кажеся, надлежало
бы привести другія доказательства, а не
указать мнѣ на такъ называемую Испорю
Маріи де Медичи — рядъ сухихъ, холодныхъ,
иноскажательныхъ картинъ, находящихся
въ Луврской Галлереѣ, произведеній, до-
стойныхъ примѣчанія — по одной своей
огромности.

Г. Рецензентъ спрашиваетъ, гдѣ я на-
шелъ, что краски Рембрандта мутны и увѣ-
ряетъ, что въ нѣкоторыхъ портретахъ,
находящихся въ Санктпетербургской Эр-
митажной Галлереѣ, онъ, т. е. Рембрандтъ,
блескаетъ всею (?) свѣжестью, не смотря
на разстояніе вѣковѣ (?) которые не могли
его потемнить вѣ своемъ полетѣ (?). Гал-
лерею Дрезденскую помню лучше Санктпе-
тербургской Эрмитажной, ибо по моему
возвращенію изъ-за границы не удалось мнѣ
вновь посѣстить сю послѣднюю. — И такъ,
быть можетъ, Г. Рецензентъ правъ;
но онъ забываетъ, что говорю о Дрезденѣ, а
не о Санктпетербургѣ; обѣ Историческихъ
картинахъ, а не о лиценачерпаніяхъ (лице-
Мнемозина. Часть II. ii

натертанія — съ позволенія Г. Рецензента).

Долгъ платежемъ красенъ; на вопросы Г. Рецензента осмѣлюсь и я предложитъ ему вопросъ: гдѣ Г. Рецензентъ нашелъ, что маю больше прелестей въ картинахъ Альберта Дюрера и Луки Кранаха, нежели во всѣхъ произведеніяхъ Фламандской школы?

Въ отношеніи къ искусству, прелести, обдѣлки, говорю (на спр. 78 Мнем.) что лучшее мною видѣнное произведеніе спаринной Нѣмецкой школы, Мадонна Гольбейна можетъ выдержать сравненіе съ картинами лучшаго времени Нидерландской школы: гдѣ же тутъ предпочтеніе? — Чѣмъ же касается до Поэзіи, до души, ето иное дѣло! Чувства, теплоту и вдохновеніе — испинныя, главныя достоинства прямой Поэзіи — я точно въ самыхъ безобразныхъ созданіяхъ Луки Кранаха и Альберта Дюрера встрѣчалъ чаще, нежели въ большей части выглаженныхъ, вытищенныхъ порожденіяхъ Фламандской кисти.

Г. Рецензентъ недоволенъ моимъ слогомъ; странно было бы отвѣтить: вы ошибаетесь, Г. Рецензентъ, слогъ мой хороший! И шакъ, ограничиваюсь только объявленіемъ, что въ I-ю часть нашего изданія вкрадось безъ

нашей вины множества опечалокъ. Это
насъ конечно не оправдываетъ и не мо-
жетъ оправдать въ глазахъ нашихъ читате-
лей, которымъ наши обстоятельства неиз-
вѣсли и которымъ до нихъ нѣтъ никакой
нужды. — Сверхъ того, Г. Булгаринъ
говорить, что на счѣтъ опечалокъ можно
описать *многое*: и точно смѣшно бы было
назвать опечалками всѣ погрѣшиости,
вспрѣчающіяся въ нашей Мнемозинѣ. —
Впрочемъ не сомнѣваюсь, что благонамѣ-
ренный (въ истинномъ смыслѣ сего слова)
Рецензентъ мой, помѣстившій свою кри-
тику въ *Сынъ Отечества*, повѣрилъ мнѣ,
что раковидная вмѣсто раковинная, полеты
вмѣсто портреты, сынове вмѣсто сыны
точно и ничто иное, какъ опечалки.

Наконецъ я долженъ извиниться пе-
редъ своими читателями, что въ свое
отвѣтъ на Разборъ Господина С.
сполько говорю о самомъ себѣ: самъ по-
чтенный мой Рецензентъ подалъ мнѣ къ
тому поводъ, тѣбо распространяется всего
больѣ обѣ моихъ спальняхъ.

Еще упомяну, что Господинъ С.
говоря обѣ опрывкахъ изъ прекрасной Ко-
меди Князя Шаховскаго, спрашивавшъ для
чего въ оныхъ вспрѣчаются слова трудныя

для выговора и для понятія, на примѣръ : *нелжевѣтныя уста?*—*Нелжевѣтный*—слово по моему мнѣнію весьма понятное, — пріятное слуху, а для выговора ни мало не затруднительное.

Въ заключеніе благодарю Господина С.... за его Разборъ спрогій, но умный, безпри-
спрасный, писанный со всѣмъ благород-
ствомъ, долженствующимъ отличить ис-
тинного Липперапора отъ Аристарха въ
родѣ тѣхъ, изъ которыхъ одинъ въ Липпе-
рапурныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому
Инвалиду также разбиралъ Мнемозину, или,
лучше сказать, всячески силился изковер-
кать, изуродовать и обругать ее. Впрочемъ, я не рѣшусь для забавы добро-
хотной Публики, унизить себя перебран-
кою съ Господиномъ В. Кто бы онъ ни
былъ: явное его недоброжелательство и
безъ того за меня вооружается!

В. Кюхельбекеръ.

(*) Тер-
пра-

XX.

Письмо въ Москву къ В. К. Кюхельбекеру.

Село Никольское.

Въкъ новой—вкусъ другой! художники-тираны
Теперь вездѣ творяшъ пригорки и курганы!

говоришъ Г. Воейковъ, въ своеи знамени-
той переводъ Садовъ знаменитаго Делиля!

Былыхъ два часа повторялъ я сіи ис-
тинно піишческие спихи, получивши отъ
тебя, любезный другъ, письмо и XIV №
животрепящихъ (*) (qui palpitent de l'interêt
du moment) *Новостей Литературы*, издава-
емыхъ Г. Воейковымъ. И подлинно! — Те-
перь не то, что въ спарину бывало! те-
перь попробуй кто-либо, еще не пріобрѣв-
шій знаменитости или, что все равно,
знаменитыхъ друзей, пуститься съ какимъ-
либо изданиемъ въ рукахъ — на поприще
славы, то разомъ и запнется о какую-ни-
будь куту мусора!

Впрочемъ дѣло не въ томъ. Стапью Г.
В. о Мнемозинѣ я чипалъ моимъ добрымъ

(*) Терминъ техническій рыбныхъ торговцевъ;
правильнѣе: животрепещущій.

соседямъ и старому дядкѣ моему Дмитрію , который , подобно многимъ нашимъ Литературнымъ Судіямъ , хотя ничего не смыслить и ничего не читаетъ , но о всемъ судишь любить и почитаешь себя весьма ученымъ потому , что много на свое вѣку разрѣзъ листовъ въ моихъ книгахъ . Должно признаться , что ешь спалья вѣмъ чрезвычайно полюбилася , — а особенно моему дядкѣ Дмитрю — (онъ въ ней находилъ какую-то чудную Аналогію съ своимъ образомъ мыслей и выражений) ; — ибо едва я окончилъ , какъ всѣ обратились на насъ съ тобою и на изданную нами Мнемозину : одинъ говорилъ объ опетакахъ , другой объ картинкахъ , третій объ обверткѣ , четвертый о форматѣ : мнѣ показалось , что меня окружаютъ олицетворенные Журналы . Я принялъ толковать ешь гospодамъ , что не должно всему петатному вѣришь ; доказывалъ , что всякой можетъ ошибаться — уже начиная было убеждать ихъ , какъ проклятой мой Дядка , желая показать свою начитанность , воскликнулъ :

„Нѣпъ ! напечатанное въ Новостяхъ Литературы не можетъ быть ни дурно , ни несправедливо !“

ле
ко
объ
тр
печ
жес
уди
лис
спи
имъ
какт
знал
мож
а не
и д
вселе
Дамс
(*) Ка
ли
вст
не

— Почему такъ! — спросилъ я съ изумлениемъ.

„Попому, что ихъ издаётъ Г. Вое́йковъ, а онъ въ прошедшемъ, помнишся, году, объявилъ, что всѣ его мысли блещутъ острою и свѣжестію — — —“

— Ничего не бывало! гдѣ же ето? —

„Въ Посланіи къ Женѣ и Друзьямъ, напечатанномъ въ Сынѣ Отечества“ — торжественно сказалъ мой Дядька, какъ бы удивляясь своей необыкновенной памяти.

Сосѣди мои снова на меня вооружились. Снова заговорили о своей довѣренности къ печатному! — Тщетно я представлялъ имъ, что хвалить себя есть не иное чѣло, какъ обрядъ, необходимый при получении знаменитости — и что въ глухи только можно почитать ето чѣмъ либо другимъ, а не обрядомъ, что такъ наприм: даже ужъ и другой известный Писатель объявилъ вселенной посредствомъ восхитительного Дамскаго Журнала (*), что никто не мо-

(*) Кажется въ 9 номерѣ. Я спрашивалъ у подписчиковъ, на Дам. Жур. но всѣ они отказались удовлетворить моему любопытству. У всѣхъ листы номеровъ сего Журнала были не разрѣзаны: а я не могу сказать къ комо-

желъ превзойти его въ искусствѣ писаль и въ знаніи языка Русскаго; что ешо объявленіе почтено вещю споль обыкновен-ною, что никто даже не замѣтилъ его. Ты догадаешься, любезный другъ, что я не сказалъ имъ ни слова, ошь чего такого рода объявленіе никому не показалось стран-нымъ — а шо бы еще болѣе просподуш-ные мои сосьди утвердилися въ мысли, что на право хвалить себя дается привил-лееіа!

Долго продолжался споръ; я уже начи-налъ ослабѣвать, — какъ вдругъ добродуш-ному Дядѣкѣ моему — жаль меня спало; онъ съ ироническою улыбкою замѣтилъ ниже-слѣдующія обстоятельства: 1) что Мнемозину браняшь безъ пощады только въ двухъ Журналахъ, хотя опличныхъ и об-разцовыхъ: въ Новоспяхъ Липераторы, издаваемыхъ Г. Воейковымъ и въ восхипи-тельномъ Дамскомъ Журналѣ, издаваемомъ Кн. Шаликовымъ. 2) Что въ Невскомъ Зрительѣ ты (Кюхельбекеръ) крипиковалъ стихи Г. Воейкова, а я грѣшный въ Вѣсп-

рому именно номеру принадлежитъ папильотка дамы, на которой я читалъ выше сказанное объявление. О д.

никъ Европы издѣвался надъ Дамскимъ Журналомъ; наконецъ 3) что спрѣлы кришки Новоспѣй Литературы обращены въ особенности на тебя, а обвишыя фіалки булавки и шпилки Дамскаго Журнала пронзаютъ мое нѣжное, чувствительное сердце.

,Прочь подозрѣнія!“ воскликнулъ я съ досадою — „я увѣренъ, что кришки пишутся единственно для пользы Словесности, а не для удовлетворенія мѣлочному мщенню.“

Ети слова снова заспавили моихъ соѣдей возстать на меня.

Не даромъ говоришъ одинъ знаменитый Писатель:

,Мѣняетъ водоскатъ характеръ иногда!“
См. Сады Делиля, пер. Г. Воейкова П. З, спр. 9б сп. 19).

Едва вооружились на меня сосѣди, какъ и Дядька мой къ нимъ присоединился; они сполько кричали, сполько находили недостапковъ въ Мнемозинѣ, что я хотя и Издатель оной, но былъ почти убѣжденъ ими; и руководимый безприспастіемъ, которое, какъ извѣстно въ наше время если господствующая добродѣтель Журналисова, вознамѣрился пожурить тебя поряд-

комъ. — Увѣренъ, что ты по благородству души твоей, за которое поручитися Издатель *Литературныхъ листковъ* (смотр. № 5, спр. 135), не разсердишься на меня за ето.

Начну съ того, что ты не умѣешь писать критикъ; такъ наприм., когда ты разбиралъ въ Невскомъ Зришель избѣстные знаменитые стихи, то просто указывалъ на бессмыслицу, на наборъ словъ, на недоспакокъ Поэзіи.

Милый другъ, такъ ли пишутъ нынѣ Рецензіи. Загляни въ 14 номеръ *Новости Литературы* и полюбуйся! Тамъ не по твоему! тамъ изъ твоихъ піесь выбраны фразы, большая часть изуродованы, или которые отдельно не имѣютъ никакого смысла, даже смѣшны, а иные и просто не смѣшны; да вънизу подъ ними торжественно и поспавлено: „*Вотъ ошибки противъ того и того!*“

Далѣе: какъ тебѣ вздумалось согласиться на мое предложеніе издать *Мнемозину* въ 4 частяхъ, когда въ Германіи всѣ Альманахи бывають въ одномъ. Ты мнѣ скажешь на ето: „*Мнемозина не Альманахъ, мы брали только составъ и разнобразіе Альманаховъ въ образецъ нашему*“

собранію , а совсѣмъ не наружной ихъ видъ.“ (*) Но мой Дядька и Г. В. полку-
юшъ другое: за чѣмъ Мнемозина не издана
ночъ въ точь шакъ, какъ издаюшся Альма-
нахи въ Германі?—Развѣ ты забылъ, что
подражаніе чужеземцамъ должно бытъ цѣлію
всякаго испиннаго Липератора - не Сла-
вянофилъ ! напримѣръ Французы ударились
въ Дидактическій родъ и мы за ними, перево-
димъ Сады, сами перекладываемъ всѣ Науки
и Искусства въ вирши и въ епомъ, должно
признаться, шагнули мы далѣе инострани-
цевъ: у нихъ только Дидактическая , а у
насъ есть и Географическая и Статисти-
ческая Поэзія; сему примѣромъ могутъ слу-
житъ слѣдующіе прекрасные стихи въ об-
разцовомъ Посланіи къ моему Другу-воспи-
танику сочиненія Г. Войкова (Вѣстникъ
Европы 1818 года, № 12, стр. 265):

Тамъ Браминскій пагодъ и подль храмъ Ар-
мянской;
И церковь Лютеранъ
Съ мечетью тамъ Магометанской;
Тамъ церкви Греко-Россіянъ

(*) Въ такомъ родѣ была издана Аглая Г. Карам-
зинъ , а въ Мнемозинѣ только прибавлены
иопы и каршинки.

Въ сосѣдствѣ съ церквой Католицкой (?)
 Съ Геригутерской стояшъ;
 Часовня старовѣрцевъ въ рядъ
 Съ кибиликѣй идоловъ Калмыцкой

и л и:

Съ какою сладостью бросалъ я жадный взглядъ
 На пестрое сіе собраніе Лезгинцевъ,
 Хивинцевъ, Калмыковъ, Бухарцевъ, Кабар-
 динцевъ,
 Киргисъ-Кайсаковъ, Персіянъ,
 Каракалпаковъ и Армянъ.
 Грузинъ, Черкесъ, Ташаръ, Индѣйцевъ и
 Дугорцевъ,
 Уральцевъ и Донцовъ
 И безпощадныхъ Черноморцевъ,
 И спрашныхъ хищныхъ Гребенцевъ!

(Тамъ же).

и л и:

На стогнахъ я встрѣчалъ гостей, кунцовъ
 Изъ четырехъ земли концовъ:
 Французовъ и Американцевъ,
 Евреевъ, Англичанъ,
 И Грековъ и Даттанъ (?)
 И черныхъ Африканцевъ.

(Тамъ же).

Ты спросишь можесть быть, что за народъ *Датгане* (вместо *Даттане*), что за *Католицкая церковь* (вместо *Католическая*) ешо ничего, стихотворные вольно-спи!

Ты часто толкуешь, что различіе слога *низкаго* отъ *высокаго* зависитъ единственно отъ того — высоки, или низки мысли, имъ выражаемыя; — мой Дядька и Г. В. утверждаюшъ, что есть слова *низкія* и *высокія* (*) — наприм. ты разбирая Рубенсову картину: пьяный Геркулесъ въ сообществѣ Вакханша и Фавна — говоришь, что по твоему мнѣнію Геркулеса можно

(*) Словами *низкими* можно лишь назвать тѣ слова, которые выражаютъ *низкія понятія*, *высокими* — напротивъ; но такихъ словъ весьма мало; большую часть словъ не льзя отнести ни къ тому, ни къ другому разряду, ибо понятіе каждого слова опредѣляется понятіями словъ окружающихъ; такъ напр. слово *уцѣлѣть* въ выражениі: *ягодка уцѣлѣла на деревѣ* — можетъ быть названо *низкимъ*, и напротивъ *высокимъ* въ выражениі: *уцѣлѣть отъ руки сильнаго*. Слово осталось тоже, но перемѣнилась мысль, коего одежда — слогъ.

было представить въ веселомъ забвениі оиъ даровъ Вакховыхъ, но не въ скопскомъ униженіи; Рубенсъ же изобразилъ не Геркулеса, а плотника, дикаря, или другаго мощнаго сына земли, обезсиленного упоеніемъ. Подчеркнутыя слова, которыя одни и высказаны въ Разборѣ (брани?) Г. В. весьма смущаютъ моего Дядьку и Г. В.; они не могутъ повѣрить, чтобы такое сравненіе могло имѣть мѣсто въ письмѣ. — Нѣтъ! ты поучись у Г. Воейкова составлять сравненія. Какъ величественно сравниваешь онъ въ і пѣсни Поэмы: Искусства и Науки (Смоп. Вѣсп. Евр. № 21) Солнце съ Царемъ, Планеты съ Придворными, а Кометы съ Послами, которыя

. . . Изъ міра въ міръ летяще
И между сферами (?) союзъ (?) любви (?)
крѣпяще (?)

Вотъ истинная Поэзія!

Ты говоришь въ (нѣкоторыхъ) Стихотворцахъ много воды. Какая дерзкая метафора! — По дѣломъ гиѣваются на тебя за это мой Дядька и Г. В. — Ты вѣрно вѣдь хотѣлъ намекнуть на нашихъ Постовъ-Географовъ! O tempora! o mores! Таковы ли метафоры нашего Писателя. У него

.... Смѣются шамъ-луга
И улыбаются утесы—исполины!

См. Посл. къ Другу-Восп. Г. Воеик.

Прелеснио! — Минъ кажется я вижу
епотъ утесь! какъ вылезаетъ онъ изъ
за луга! какъ спрашно скалитъ зубы на
проходящихъ.

Должно признаться, что мнъ весьма
часто случалось видѣть смѣхъ, при чтеніи
твореній Г. Воеикова; такъ наприм. какое
счастливое выраженіе: (Смоп. Сады Де-
лия, стр. 14).

Смеется ананасъ, благоухаютъ розы.

Ужасно! зубастый ананасъ споитъ
зубастаго утеса.

Въ свое Путешествіи ты говоришь
къ чему-то: Идеалъ въ искаженномъ видѣ!
Зависники говорятъ, что это точь въ
точь Виргилій и Делиль въ переводахъ Г.
Воеикова; но я, какъ ревностный почиша-
тель сего Писателя, вмѣстѣ съ своимъ
Дядкою и съ Г. В. не доволенъ симъ выра-
женіемъ.

Ты говоришь: лакомая девушка; жест-
кая школа (говоря о живописи); полученные

глазки. Жаль, что Г. В. не сказалъ по-
чему именно не приличны сіи Епішеты —
но они дурны, попому что ему, какъ равно
и Дядькѣ моему, такъ хочется. — Вотъ
что значитъ не читать сочиненій Г. Вое-
викова; у него найдешь:

• • • • • и черныхъ змѣй
Узорныхъ ящерицъ и росписныхъ червей.

(Смол. Отрыв. изъ 1 пѣсни Поэмы
Искусства и Науки).

Какая Поэзія!

У него же: найдешь и

Сияющіе луги и темный мракъ и проч.
и проч. (Смол. 1821 Сынъ Отечества № 19,
Отрывокъ изъ Поэмы Делиля: Воображеніе).

Пойдемъ далѣе: сколько у тебя Грам-
матическихъ ошибокъ! наприм. ты гово-
ришь: „она (т. е. картина) по мнѣ, одна
изъ лучшихъ Рубенсовой кисти!“ Въ словахъ
по мнѣ, мой Дядька и Г. В. находяшь ужа-
сную Грамматическую ошибку! Жаль, что
они не могутъ объяснить какую. Ты ска-
жешь, можешь быть, что по мнѣ есть со-
кращеніе фразы: по моему мнѣнію; но такъ
ли мой другъ сокращаютъ! Вотъ что зна-

чи
заг
ры
(С
год

ній
мані

для
шель
чемъ
смѣло
маппи

(*) Си
вис
Ми

читъ не читать сочиненій Г. Воейкова! загляни въ его образцовый переводъ Отрывка изъ IV пѣсни Поемы: Воображеніе; (Смотр. 19 № Сыгна Ошечеснва на 1821 годъ).

Тамъ ты найдешь:

Ревнивый къ знаніямъ, младой искусствъ
любитель (*)

Въ немъ славу живопись, въ немъ
счастье зрѣлъ родитель.

Горѣлъ желаньемъ въ сей хладный мракъ
сойти

Не говорю уже о достойномъ подражаніи словъ: сойти, но обращаю пивое вниманіе на то, что въ семъ стихѣ

Въ немъ славу живопись, въ немъ счастье
зрѣлъ родитель

для краткости, а не для споны и родитель — зрѣлъ, и живопись — зрѣлъ; впрочемъ такие прекрасныя сокращенія, споль смѣло возстающія противъ всякой Грамматики, часто встречаются въ сочиненіи

(*) Сирѣчъ: *охотникъ*, какъ замѣчаешь одинъ заинтересованный Критикъ.

яхъ Г. Воейкова; такъ говорить онъ въ первой пѣсни Поемы Искусства и Науки (*)

Онъ (т. е. Планеты) рабы Царя, а Царь
законовъ ихъ;

т. е. и Планеты — рабы и Царь — рабы.

Ты говоришь: „недоспятки его славного ученика Вандейкѣ.“ Видимая опечатка — ты скажешь. Такъ! но ешь опечатка сдѣлана

..... Во время, въ пору, къ стати —

Ибо замѣнять Родительный падежъ Имѣнительнымъ и вообще смѣшивать всѣ падежи, епопъ обычай давно уже введенъ въ нашу Словесность знаменитымъ нашимъ Писателемъ. У него ты найдешь въ послѣднемъ и слѣдственno лучшемъ єго произведеніи (**)

Старикъ скорбитъ душой о юныхъ дней утрашъ;

И зря, что лишній онъ на сценѣ сходитъ съ ней

И ничего не ждетъ отъ времія и людей.

(*) Вѣстникъ Европы 1818 года № 21.

(**) См. Отрывокъ изъ Поемы: Воображеніе соч. Делиля, переводъ Г. Воейкова въ Новостр. Литер. 1824 № 16.

По неволѣ подумаешь пушъ, чѣо времѧ
въ Именительномъ: времѧ. Вопь какими
словами обогащають Словесность наши
Писатели.

Тамъ же у Г. Воейкова найдешь:

У жизни на пиру Богами приглашенній,
Гость запоздалый брашнѣ вкуснѣй-
шихъ пресыщенный

вмѣсто: пресыщенный вкуснѣйшили браш-
нами. Не говорю уже о чудной гармоніи
выраженія: брашнѣ вкуснѣйшихъ пресыщен-
ный; оно напоминаетъ Польскую скорого-
ворку:

Хренжъ брижы въ трещинѣ!

Ты говоришь: „доть нѣкотораго тамош-
наго живописца.“ Плеоназмъ! восклицаешь
мой ученый Дядька. Ты скажешь можешь
быть, чѣо при тамошнемъ необходимо
слово нѣкоторый, ибо иначе можно поду-
мать, чѣо тамъ только одиѣ и быль-
шопъ живописецъ. — Но моего Дядьку и
Г. В. не разувѣришь. Тщепіо ты будешь
шоковать имъ, чѣо есть цѣлые Диак-
тическія Поемы, которыя не чѣо иное, какъ
одинъ, но огромный Плеоназмъ!

Ты говоришь: „здесь сражался Густав Адольф за свободу мыслей!“ это выражение чрезвычайно не нравится моему дядьке и Г. В. — Жаль, что они не могут объяснить почему.

Я уже сказал выше, что Г. В. находил какой-то низкий слог, сославленный из каких-то низких слов; к сему слогу онъ относитъ следующее: Псы зались лаем. Расположиться на житъе. Земляки все его знали. Онъ входилъ во все притины.

Напрасно Г. В. не предложилъ способа выразить си мысли слогомъ высокимъ, какой напр. встрѣчаемъ въ переводѣ Опрывка изъ Поэмы Воображеніе Делиля (*)

Тамъ найдешь:

..... Сей пышный градъ снабжалъ

..... Огромностю скаль

и ли

И къ довершенню бѣдъ къ несноснѣйшей тоскѣ

Свѣтильникъ догорѣлъ почти въ его руکѣ

Какъ вдругъ за что-то онъ ногою зацѣпился !

(*) См. 19 № Сынъ Отечества 1821 года.

Теперь я намѣреиъ съ тобою попол-
ковать о маленькихъ невинныхъ хитро-
сняхъ Г. В.: я уже имѣль случай упомянуть
о томъ, что фразы, взятыя изъ твоихъ
піесъ, всѣ изуродованы (*); ето правило
Г. В. распространилъ и на всю Мнемозину.

Изъ прекрасной Комедіи *Аристофанъ*,
выбраны спихи, отдельно неимѣющіе ни-
какого смысла и нарочно поспавлены вмѣ-
стѣ, какъ будто бы они соспавляють нѣ-
что цѣлое; мы скажешь, что такое явное
недоброжелательство не прощительно,
почти не возможно (**). Неправда, сударь!

(*) Вотъ примѣръ тому: въ Мнемозинѣ напечатано (стр. 79), „Въ одномъ только изображеніи Гольбейнъ принесъ жертву своему вѣку: въ длинной богатой бѣлой одеждѣ, — одна изъ дочерей Мейера обезображиваешь нѣсколько цѣлое.“ — Благонамѣренный Г. В. перемѣнилъ знати, слова и вышло вотъ что (См. 14 № Нов. Лип.): „въ одномъ только изображеніи Гольбейнъ принесъ жертву своему вѣку: въ длинной бѣлой одеждѣ. — Одна изъ дочерей Мейера обезображиваетъ только цѣлое!“ —

Такъ поправлены и другія фразы.

(**) Кстати: прекрасная, оригинальная мысль на-
шего Комика — ввеси различные мешры въ
Драмму не имѣещъ счастія нравившися Г. В.

Кн. Шаховской—одинъ изъ лучшихъ Писателей нашего времени, а спасъ Г. В. напечатана въ Новоспяхъ Литературѣ.

Не правда ли, что ети хищности напоминаютъ хищность, нѣкогда употребленную самимъ Г. Воейковымъ; всѣмъ извѣстно его Посланіе, написанное Гекзаметрами, въ коемъ онъ хотѣлъ доказать невозможность на Русскомъ языкѣ тѣхъ спиховъ, которые намъ выдаютъ за Гекзаметры. Прелестно! Авторъ будто бы силился доказать красоту сего размѣра, а между тѣмъ нарочно сославшись свое Посланіе изъ шакихъ спиховъ, которые хотѣлъ кого, шакъ заставлять прохлинять Гекзаметры. — Вотъ почему сіе Посланіе и помѣщено въ *Образцовыхъ Согласеніяхъ*.

Pour faire un coup de maître Г. В. оканчиваетъ наконецъ свои замѣчанія, или лучше сказать изуродованныя выписки изъ *Адо*, ибо, повторю, Г. В. положилъ себѣ за правило, не отдававъ отчета почему ему какое выражение нравится или не нравится. „Довольно!“ восклицаетъ онъ „если бы сыпать вѣсъ несо-

Да какъ и нравиться! у Лагарпа и Баште о томъ хотѣ бы пол слова! Од.

образности слога и пр. то надобно бы переписать всю Повесть. Ты назовешь ешту фразу обвешалою и скажеши, можешь быть, чию не мудрено писать такія кри-
тики, въ которыхъ не сдѣлавши ни одного замѣчанія, которое было бы хотя на чёмъ нибудь основано, окончиши ее выше приведеною фразою; но я какъ ревностный по-
чтапель всего того, что печатається въ Журналѣ Г. Воеикова, не могу удержаться, чтобы не сдѣлать подражанія оной фразѣ,
и такъ:

Довольно! я скажу въ свою очередь: если выписать изъ спашъи Г. В. всѣ мѣста, показывающія глубокія знанія и дет-
ское простосердечіе, любовь къ истинѣ и не-
поддающее остроуміе, тогда надобно бу-
деть переписать всю спашью.

Заключимъ: убѣжденный словами Г. В.,
моихъ сосѣдей, а болѣе всего моего Дядьки,
я совершенно увѣрился, что мы съ тобою
не имѣемъ понятія о истинной значенито-
сти и о способахъ, которыми приобрѣта-
юшъ ее: мы стараемся болѣе учиться, не-
жели блестиать ложными знаніями; объяв-
ляемъ свои мнѣнія безприспособно о другѣ
и недругѣ, объ известномъ Писателѣ и о не-

известномъ (*); и думаемъ, что читая Греческихъ, Латинскихъ Классиковъ, если и заглядывашь въ Лексиконъ, то должно въ Греческій или Латинскій. Не такъ поступають въ наше время! Знаменитость приобрѣтаютъ наборомъ словъ въ полномъ смыслѣ сего выражения, которыми наполняютъ цѣлые Томы (и чѣмъ толще книга, тѣмъ обширнѣе знаменитость); переводятъ Виргиля и другихъ Классиковъ съ помощью — Французскихъ Лексиконовъ; работѣствують предъ своими знаменитыми друзьями и браняще все прочее! — Съ такими способо-

(*) Здесь кстали считаю замѣтить, что статья моя: *О направлении нашей Поэзии, въ особенности Лирической въ послѣднее десятильтие*, гдѣ откровенно и можетъ быть слишкомъ откровенно говорю свое мнѣніе о сочиненіяхъ Жуковскаго, Пушкина и Баратынскаго (они все прое друзья мои) — есть знакъ моего непримѣрнаго къ нимъ уваженія; ибо въ моихъ глазахъ, строгаго разбора стоящъ сочиненія однихъ людей съ талантомъ; касательно ихъ только заблужденій Критика должна просвѣщать читателей, потому что ошибки Прадоновъ и Тредьяковскихъ всякому въ глаза кидаются.

Кюхельбекеръ.

бами изъ Перепищиковъ понадающъ въ Подѣ-
Геніи и получающъ право увѣрять въ осто-
ротѣ и съжестїи своихъ произведеній.

Не лъзя доспойно возблагодарить Г. В.
за его спашью! — боюсь одного только:
въ немъ отражается тѣа-то знаменитость
и потому можетъ бытъ, увы! похвала отъ
меня — неизвѣстнаго — покажется ему хуже
брани, такжে точно, какъ отъ иныхъ Кри-
пиковъ брань приятнѣе похвалы; но за-
ето никакъ не лъзя сердиться, хотя и го-
верить нашъ Писатель:

„Скажи мнѣ почему предметы хороши?
Въ чёмъ ихъ плѣнительность?“ въ по-
требностяхъ души
Быть раздражаемой!

(См. въ Пол. Звѣзд. Сп. Г. Воейкова).

Одеск.

Конецъ второй части.

ЗАМЪЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Въ первой части:

Стр. Сп. Напечатано:

11 с. и. 4. порицающаю
13 с. в. 3. Компанія
13 с. и. 9. компаній
29 с. и. 9. среди
34 — 12. ни видя
42 с. и. 3. Созія

Побѣда! побѣда!
Аристофанъ
(*увида протихъ*)

Ай, ай!

Какая здѣсь бесѣда!
48 с. в. 9. шумомъ
51 — 6. пѣснопѣній
51 — 7. Тебя!
51 — 10. чудесный
61 — 8. скучу и едино-
образіе
61 — 15. тѣжъ
61 с. и. 4. описание,
— говорилъ онъ,
62 — 9. гесперіи
67 с. в. 3. въ стихотвор-
цахъ, прозаи-
кахъ
69 — 11. и не вижу
71 — 17. раковидной
71 с. и. 6. очеркъ
78 с. в. 9, 10. Обитель смер-
ти и воскре-
сенія: землю,—
мѣсто суда и
блаженства —
небо.

Читай:

порицающаго.
Кампанія.
кампаній.
средь.
не видя.

Созія.

Побѣда! побѣда! Ари-
стопланъ. (*увида
протихъ*).

Ай, ай!

Какая здѣсь бесѣда!
шумокъ.
пѣснопѣній,
Тебя,
чудесной.
скучи и единообразія

Тѣже
описаніе —
говорилъ онъ —
Гесперіи
Стихотворцахъ — Про-
зинахъ

не вижу
раковиной
Начеркъ
Обитель смерти и во-
скресенія — землю; мѣ-
сто суда и блажен-
ства — небо.

Стр.	Стр. Напечатано:	Читай.
72 с.в.	7. Ван-дейкъ	Ван-дейка
73	— 2. полешовъ	портретовъ.
73 с.н.	6. здѣсь :	здѣсь
77 с.в.	2. Урію	Уріи
77 с.н. 18.	повѣреннымъ орудіемъ	повѣреннымъ, оруді- емъ.
78 с.в.	1. къ чему-то	въ чемъ-то
78	— 10. Италіанской	Италійской
78	— 15. временъ	времени."
79 с.н. 11.	Клод-Лоррена. Димтриха,	Клод-Лоррена, Дип- риха
92 с.в.	9. во второй разъ вижу разъ	во второй разъ вижу
99 с.н. 14.	Опца Свѧта	Опца Свѧта,
104	— 7. занавѣсь	занавѣсь
105 с.в.	13. перспектива	перспективы
110 с.н.	7. не о моихъ стихахъ	не о моихъ
112 с.в.	я, Ручей Уль- 5,12,24. кушъ	Ручей Улькушъ
112	— 10. степи :	степи,
113	— 7. слово : Егоко	слово Егоко
—	— упоминаемое ;	упоминаемое :
115	— 14. швоей;	швоей :
—	— 19. мирный	мирный
—	— 21. Улькуша	Улькуши
—	— 23. шихій	шико
128	— 1. дичь	дичь
129	— 7. Руской	Русской
137 с.н. 14.	сынове	сыны
166	— 6. бремененою	беременною
171 с.в.	5. въ досуга часъ	досуга въ часъ
173	— 13. Омонскихъ	Омокскихъ
175 с.н.	7. послѣ : отъ избышка серд- ца	на Русскомъ языкѣ
184 с.в.	7. они	онъ

Ф Ф Ф Ф

Во второй части:

Стр.	Ст. Напечатано:	Читай:
22 с. и.	6. Да	Да
25 —	5. Стоишь	Стоишь,
29 —	5. послѣдняго	предпослѣдняго
30 —	5. оные	оныя *
32 —	7. Законада- щель въ гла- захъ	законодашель
34 —	6. Парки	Парни
36 —	9. произведені- яхъ	произведеній
— —	5. любимую, любую Елегію	любимую Елегію
48 —	4. гладишь	гладишь
61 —	1. замъчаннымъ	замъченнымъ
— —	— Клонштокъ-	Клонштокъ
69 —	8. на зналь	не зналь
72 —	11. пламенный, пророкъ!	пламенный пророкъ!
100 с. в.	9. повернула	повернуло
— —	1. во всемъ да- же въ безъ- лицахъ,	во всемъ, даже въ без- лицахъ,
101 —	12. разогнуты- ми	разогнутыми,
104 —	3. и оддѣль- вашься	поддѣльвашься
107 —	3. прозябаю- щихъ, въ мрачной и	прозябающихъ въ мрач- ной
111 —	8. Цѣлая шайка каршежни- ковъ;	Цѣлая шайка каршеж- никовъ,
120 с. и.	6. съ кѣмъ	съ кѣмъ именно
160 с. в.	15. не може ли равно	не може ли
164 —	19. въ Литера- турныхъ При- бавленіяхъ	въ Новостяхъ Лите- ратуры

«09-09»

НѢЧТО ВЪ РОДЬ ОПЕЧАТКИ

для

ОТВѢТЬ ИЗДАТЕЛЮ ДАМСКАГО ЖУРНАЛА.

... Нѣшъ! всѣ твои издѣлки
Гораздо негодны для сельскія свирѣлки (*).

Какъ жить въ свѣтѣ — право не понимаю. Опѣй искренняго сердца благодарили и Кн. Шаликова за похвалы Мнемозинѣ — а ешо его огорчило; обѣщалъ ему прислать тѣстителную піесу для Дамскаго Журнала (см. Сынъ Отп. № 12), что ешаго нѣжнѣе? — а ешо его огорчило. Принявши на себя тонъ оскорблennой невинности, которая такъ къ лицу Дамскому Журналу, онъ грозно называетъ меня любомудрымъ — что ешаго спрашивѣ?

Полно-ше Г. Издатель Дамскаго Журнала! За чѣмъ называть меня столь ненавистнымъ для васъ именемъ? За чѣмъ огорчаться? Горесть разстроиваетъ сердца тѣстительныя. Возьмите въ руки книжку *Revue Encyclopédique*, въ которой именно написано, что вы даже издаєте Дамскій Журналъ (и только!); киньте нѣжный, опеческій взглядъ на собраніе своихъ сочи-

(*) Стихи изъ моей Трагедіи: *Розовые фіялки*, изъ коей отрывки назначаются въ Дамскій Журналъ. Мои зависшники (ибо они есть не у одного Кн. Шаликова) увѣряющіе, что они узнаютъ сочинителя по духу, утверждаютъ, будто бы эти стихи сочиненія Г. Войкова. Чего не выдумаешь злоба!

неній — и упъшьшесь ! Что вамъ до зави-
спниковъ ?

Видите ли Г. Издатель Дамскаго Жур-
нала — съ какою я рожденъ иѣжною душою :
Вы на меня гнѣваетесь , а я васъ хвалю !
Впрочемъ вы сами тому причиною ; вы сами
тому причиною , что на васъ уже не лъзя сер-
диться , что предъ вами умолкаепъ и гнѣвъ ,
и Логика !

Какъ бы то ни было , мои пріятели
чрезвычайно сожалѣютъ обо мнѣ : „за
чѣмъ“ говорятъ они „избралъ ты соперника
столъ спрашнаго ? за чѣмъ не нападаешь
на тѣхъ , копорые подобно трутнямъ ничего
не производятъ , кроме Литературныхъ на-
росовъ ; у копорыхъ въ продолженіи цѣлаго
полстолѣтия ничего въ головѣ , кроме фіа-
локѣ и розѣ не вертѣлось , и копорыхъ слава
сплочена изъ насмѣшекъ , на ихъ же щепъ
сказанныхъ ?“ — Какъ вы обѣ єшомъ ду-
маете Г. Издатель Дамскаго Журнала ? —
Впрочемъ честь имѣю быть и проч.

Одеск.

P. S. Почтенный Издатель Дамскаго
Журнала спрашиваетъ у меня , какъ мнѣ
угодно , чтобы онъ отвѣчалъ мнѣ ? — Все
по прежнему , Г. Издатель , все по прежнему !
Только Бога ради не хвалише меня .

o
h
e!
-

2

Музыка сочин. Гр. М. Ю. Ви
Andantino Espressivo

Canto

Piano
Forte

Е-е ужъ иѣшъ мо-ей

буръ с-е ум-ча-ли

ны ужъ но вол-ну-ють щасъ

И. Ю. Вицлгорского.

A musical score consisting of five staves of music. The top staff is for the voice, indicated by a 'C' with a breve. The second staff is for the piano, indicated by a 'C' with a quarter note. The third staff is for the voice, indicated by a 'C' with a breve. The fourth staff is for the piano, indicated by a 'C' with a quarter note. The fifth staff is for the voice, indicated by a 'C' with a breve. The lyrics are written below each staff:

ей ве - сны по - ры - лы

- ди и жертву мертвой ти - ши -

часть - я сны . ни сер - дцу

сад - и - и, пе - ча - - - ли
 нѣшъ мо - ей ве - сны. Е - е ужъ нѣшъ мо -
 Ее ужъ нѣшъ моей весны;
 Въ туманахъ раннаго заката
 Потухло солнце щаринь,
 Дни жизни сердца сочиены
 И нѣшъ утраченнымъ возврата.
 Ее ужъ нѣшъ моей весны.

Ее ужъ нѣшъ
 Раздался въ се
 Какъ ропотъ
 Какъ стонъ, ра
 Какъ тихій о
 Ее ужъ нѣшъ
 Слова Н

С - ли Е - е южъ
и ютъ мо - ей ве - сны .

е южъ и ютъ моей весны;
издался въ сердцѣ глаffъ печальный
акѣ ропотъ порванной струны
акѣ стонъ разбившейся волны,
акѣ тихій отзыvъ флейты дальней:
е южъ и ютъ моей весны.

Слова Нн. П. А. Вяземского.